

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОСТРОВА И
КАПИТАНЫ:
ХРОНОМЕТР

Острова и капитаны

Владислав Крапивин

Острова и капитаны: Хронометр

«Автор»

1987

Крапивин В. П.

Острова и капитаны: Хронометр / В. П. Крапивин — «Автор»,
1987 — (Острова и капитаны)

ISBN 978-5-699-15613-9

Причудливое сплетение времен и событий: путешествие Крузенштерна и Лисянского, оборона Севастополя, мальчишки послевоенных времен и кадеты начала XIX века... Все это вы найдете в книге знаменитого писателя Владислава Крапивина. Но главное, что там есть – это ветер приключений и блеск благородных поступков!

ISBN 978-5-699-15613-9

© Крапивин В. П., 1987

© Автор, 1987

Содержание

Пролог	5
Первая часть	15
Новогодние сюрпризы	15
Курганов	22
Шторм в Скагерраке	29
У горящего камина	37
Экватор	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владислав Крапивин

Хронометр

Пролог

Мышонок

Корабельный колокол в громадном обеденном зале, где стояла небывалых размеров модель учебного фрегата, двойным ударом, слышным на всех трех этажах, отметил начало первой перемены. Распахивались двери. Солидные гардемарины-выпускники выходили не спеша. Строго поглядывали на кадет, которые по малолетству не обрели еще сдержанности и неслись куда-то с криками и хохотом...

Контр-адмирал неторопливо шагал среди привычного шума и суеты. Впрочем, вблизи от него суета сменялась почтительной тишиной. Гардемарины шелкали каблуками и вытягивались, роняя с гвардейским изяществом в поклоне головы. Вставали в струнку и младшие кадеты. Неукоснительно соблюдалась высочайшая инструкция, которую государь Николай Павлович изволил начертать в марте прошлого года после посещения Морского кадетского корпуса: «...непременно их (то есть воспитанников) выправить и дать им бодрую осанку и молодецкий взгляд».

Осанка была бодрая. Взгляды и вправду могли показаться молодецкими. Но не было в этих взглядах любезной императору бездумной стеклянности и единой только готовности к молниеносному повиновению. Были веселые искры, иногда озорство мелькало. Живыми, хорошими глазами смотрели мальчики на Ивана Федоровича, который до недавнего времени был помощником директора корпуса, а месяц назад заступил на главную должность.

Крузенштерн знал почти каждого. Как зовут, какие успехи в учении, издалека ли приехал в корпус и кто родители. Только у самых маленьких, появившихся недавно, путал еще имена.

Малыши отдельной стайкой шумели и резвились в середине широкого коридора. Это были воспитанники резервной роты, образованной в прошлом году еще прежним директором, Рожновым. Мальчики десяти-двенадцати лет. Те, что веселы и бойки в своем кругу, но плачут по ночам, вспоминая о родном доме.

Крузенштерн обошел их сторонкой, чтобы не встревожить начальственным появлением.

Он был в десятке шагов от малолеток, и тогда неясное беспокойство остановило его. Что? И память подсказала: несколько секунд назад привычно цепкий взгляд подсознательно отметил чуть в стороне от шумных кадетиков шуплую, поникшую фигурку.

Крузенштерн вернулся (мальчишки притихли и выжидательно встали прямо), отыскал глазами того, стоявшего отдельно, встретился с ним взглядом. Сказал мягко:

– Подойдите ко мне, голубчик.

Мальчик сделал несколько по-уставному твердых шагов, встал навтыжку. Ростом чуть выше адмиральского пояса. Курносый, с лопухастыми ушами, с рыжеватой короткой стрижкой и бледными редкими веснушками. С тонкой шеей, для которой велик высокий круглый воротник однобортного узкого мундирчика (их недавно ввели вместо двубортных – неуклюжих и старомодных). Поднял, как положено, острый подбородок, но в лицо директору не посмотрел. Серыми глазами, испуганными и горькими, уперся в пуговицу на груди адмирала. Представился по форме, но без положенной бойкости:

– Резервной роты вверенного вам корпуса кадет Алабышев, ваше превосходительство. – И опустил голову.

Крузенштерн двумя пальцами приподнял его подбородок.

– А как зовут кадета Алабышева?

– Егор... ваше превосходительство. – И глаза намокли.

– Ну а что же случилось с Егором? Пойдем-ка побеседуем...

Он ладонью прихватил Егора Алабышева за спину, ощутив под сукном острые мальчишечьи лопатки. Отвел к нише узкого глубокого окна. В стеклах отражались желтые масляные лампы. За отражениями мутно серело позднее ноябрьское утро. Нева еще не встала, но о близкой зиме напоминал снег, густо летевший вдоль набережной. Сквозь косые линии снега проступали мачты и такелаж учебного брига «Князь Пожарский», что стоял против корпуса.

Резервной роты кадет Алабышев за окно не смотрел. И на адмирала не смотрел. Голова опять висела ниже плеч.

– Наверно, неуспехи в учении? – спросил Крузенштерн. – Сие поправимо, не надо только отчаиваться. Моряку должно иметь старание и твердость.

Егор всхлипнул и еле заметно качнул головой.

– Тогда знаю, – сказал Иван Федорович ласковее прежнего. – Из дому долго не было писем, да? Но и в этом нет великой беды. Так бывает у каждого, а потом письма приходят целой пачкою. Вы уж мне поверьте... Или не в письмах дело? В чем же?

Егор всхлипнул опять, крупная дрожь потрянула его.

– Командир роты... господин капитан-лейтенант Фогт... приказал...

– Что же приказал господин капитан-лейтенант?

– После классов... явиться в экзекуторскую.

– Что? – нервно сказал Крузенштерн. И подумал, представивши хлыщеватого, с желтым костистым лицом и залысинами Фогта: «Ах ты, с-сукин сын! Я же предупреждал...»

Но кадета Алабышева спросил с ноткой строгости:

– В чем же вы сумели так провиниться?

– В том случае... когда в кивер дежурному офицеру... мышонка.

Крузенштерн, сдержав улыбку, сказал с удивлением:

– Постойте. Я знаю об этой прискорбной шалости, но виновники сами признались и раскаялись. При чем же здесь вы?

– Я тоже был там... немного после... И меня заметили.

– И решили, что виноваты в сем недостойном поступке вы?

Егор опять вздрогнул плечами и кивнул.

– Но за что же вас хотят наказать сейчас, когда виновные известны?

– За ослушание... – прошептал Егор.

– Не понимаю.

– Когда они еще не признались, господин Фогт... приказывал, чтобы я их назвал, если сам не виноват... Он говорил: «Раз вы были там же, должны их знать...»

– А вы знали?

Егор еще ниже нагнул голову.

Крузенштерн понимал отчаянное положение маленького кадета. Новички с первых дней постигали законы корпусного товарищества. Выдать виновника начальству считалось предательством, жизнь ябедника превращалась в каторгу. К тому прибавлялись и угрызения собственной совести: «Я – нарушитель чести...»

– Господин Фогт говорит... раз я не назвал виновных, значит, не выполнил приказа... и нынче меня накажет...

«Нашел чем пугать ребенка, хлыщ», – подумал Крузенштерн. Он по себе помнил то жуткое чувство, смесь тоскливого стыда и ужаса, когда звучит такой приговор. И тягостную безнадежность, обморочное замирание перед низкой, плотно сколоченной дверью, за которой *это* должно случиться. Почему-то такие двери выглядели одинаково и здесь, и в бытность корпуса в Кронштадте, когда самого Крузенштерна только зачислили в кадеты...

Слава Богу, он своим приказом накрепко закрыл эту дверь, отменивши в корпусе подобные наказания. Сделал это, несмотря на недовольство в Морском министерстве и на скептическое замечание государя.

Но мальчик-то о приказе не знает и сейчас в отчаянье.

– Егор... – негромко сказал Крузенштерн. Тот быстро поднял остренькое лицо. В глазах – и боязнь, и надежда. Бедняга... – Я поговорю с вашим командиром. Уверен, что, проявивши вначале строгость, он будет теперь снисходителен... Но скажите мне: а что вы все-таки делали в дежурной комнате?

Голова кадета Алабышева опять упала. И даже при неярком свете ламп стало видно, как наливаются краской его оттопыренные уши.

– Ну же, Егор, – добродушно поторопил Иван Федорович. – Давай без утайки. Ежели ты в чем-то и виноват, то на сей раз это останется между нами.

– У мышонка лапки были связаны... Жалко стало, я хотел отпустить... Чтобы никто не знал...

Колокол гулко просигналил о конце перемены.

– Ступай в класс, Егор. Я поговорю с командиром роты.

«Надо и в самом деле поговорить решительно, – думал он, поднимаясь на третий этаж, в рабочий свой кабинет. – Наказать кадета самовольно никакой офицер теперь, конечно, не смеет, но держать воспитанников в ежедневном страхе такие фогты еще не отучились...» Где Рожнов откопал эту сухую бестолочь? Разве *такой* командир нужен малолеткам, кои лишь недавно взяты из дому и с трудом живут без родительской ласки?.. Нужны такие, как Сергей Александрович Шихматов, капитан второго ранга гвардейского экипажа, поэт, ученый, действительный член Российской Академии, а главное – добрейший человек, отлично знающий детскую душу. Он и был до недавнего времени командиром резервной роты, мальчишки почитали его за отца родного. Но месяц назад по важной причине личного свойства ушел князь Сергей Александрович в отставку и со слезами распростился со своими питомцами. Нового командира для малышей сразу не нашлось. Крузенштерн обратился тогда за советом к прежнему директору, Рожнову, и тот предложил: «Можно поставить пока Фогта. Аккуратист... А далее уж сами посмотрите...» Ох, смотреть надо было сразу, да в первые недели заведования корпусом столько навалилось на адмирала хлопот...

В кабинете уютно несло теплом от сине-белых изразцов голландской печи. Шторы были задернуты. Крузенштерн не любил пасмурного осеннего света, хотя врачи говорили, что именно такой свет более всего полезен для больных глаз. Нет, пусть уж лучше свечи.

Свечи в канделябре с обручем-абажуром из матового стекла горели мягко, но ярко. Отблески лежали на модели «Надежды», на медных кольцах глобуса в углу кабинета.

Матрос Григорий Конобеев выгребал золу из протопленного с вечера мраморного камина с толстощековыми амурами наверху (тепла хватало и от печи, но Иван Федорович, работая по вечерам, любил, чтобы в камине был огонь). Конечно, приборку следовало кончить до прихода адмирала. Однако Крузенштерн не сделал упрека. Григорий был не просто служитель, а старый товарищ по давнему плаванью вокруг света. Сумрачно-добродушный, преданный «нашему капитану» ворчун, ныне причисленный к корпусу.

– Здравствуй, Матвейч.

Григорий неторопливо выпрямился.

– Доброго здоровья, Иван Федорович... Вот опять бумаги пораньше с утра дежурный офицер принес... Говорит, что от господина капитан-лейтенанта Коцебу... Надо же, какой известный теперь Отто Евстафьевич сделались. А на «Надежде»-то совсем мальчонка был вроде наших нынешних...

– Такой и был, Матвеич. Тоже кадет, только сухопутный. Отец упросил взять в плавание, – поддакнул Крузенштерн старому матросу, хотя беседовать не хотелось.

– Сухопутный, а каким лихим капитаном стал. Вот оно как поворачивается...

Бумаги оказались корректурой новой книги Коцебу – «Путешествие вокруг света, совершенное по повелению государя императора Александра Первого на военном шлюпе «Предприятие» в 1823, 24, 25 и 26 годах».

К этой книге Крузенштерн прямого отношения не имел, послесловия, как к первому плаванию Коцебу, не писал, но к подготовке сей экспедиции приложил немало сил. Потому и прислал благодарный Отто своему старому командиру пробные оттиски отчета о путешествии.

Крузенштерн притянул к себе полосы серой бумаги, радуясь крупным буквам и отчетливой печати.

...Коцебу рассказывал о путешествии сжато, не в пример первой своей книге о плавании на «Рюрике», в которой хватало живых описаний и красот. К тому же многое Иван Федорович знал уже из рассказов Отто, из рапорта его Морскому штабу. Поэтому не стал он читать подряд, а отыскал (с некоторым стеснением в душе и даже робостью) страницу, где были слова:

«После весьма быстрого одиннадцатидневного плавания от мыса Доброй Надежды мы 29 марта пришли к острову Св. Елены...»

Об острове Отто писал пространно. Более всего – о поездке в те места, где жил в ссылке знаменитый недруг России Наполеон и где была потом его могила.

А о другой могиле, русской, не было ни слова...

Трудно поверить, что моряки не побывали на кладбище, где двадцать лет назад похоронен был их земляк и товарищ. Видимо, Коцебу решил, что рассказ об этом не нужен читателям. Или, всего скорее, не захотел беречь память ему, Крузенштерну...

Но разве от этого уйдешь? Разве забудешь?

Крузенштерн читал:

«Путешественник, приближаясь к острову Св. Елены, видит со всех сторон одни черные, высокие, остроконечные скалы, рождающие в душе его самое мрачное и унылое понятие о сем острове, но, находясь на возвышении, видит, что природа сокрыла в безобразной и страшной оболочке очаровательные прелести...»

...Моряки «Надежды» в мае 1806 года увидели этот остров таким же. Сначала – грозное и печальное впечатление, а позже – удивление перед тихой красотой и чувство долгожданного отдыха. Первые три дня, пока не случилось беды, всем казалось, что попали в самый счастливый и уютный уголок Земли. Одно огорчало капитана: в гавани острова не оказалось «Невы», с которой расстались в тумане вблизи меридиана мыса Доброй Надежды.

Тогда еще не знали, что Лисянский, вопреки уговору, принял решение не заходить к острову Святой Елены, а идти прямо в Европу. Подбивало желание совершить небывало длинное и скорое плавание от Китая до Англии без захода в промежуточные порты. Что же, Юрий Федорович с блеском исполнил сей подвиг, изумивший всех, кто понимал в морском искусстве. И «Нева» пришла в Кронштадт на две недели ранее «Надежды»...

Кто-то пустил потом слухи, что случай этот испортил дружбу двух капитанов. Неправда это!

Да, жизнь как-то развела Крузенштерна и Лисянского, реже стали встречи, короче письма. Но не было между ними вражды и зависти. И ссоры не было ни разу... В тот день, при первой встрече в Кронштадте, когда остались в каюте одни и Лисянский откупоривал бутылку привезенной из Кантона мадеры, Крузенштерн только и сказал:

– Мальчишка ты все-таки, Юрий...

Тот и в самом деле похож был на мальчишку. Курчавый, румяный. Пушистые бакенбарды казались приклеенными к детскому пухлогубому лицу. И глазами стрельнул по-мальчишески. Проговорил и виновато, и дурашливо, как в бытность еще малым кадетиком:

– Сердишься? Прости, я больше не буду...

– Нет, ну в самом деле, о чем ты думал? А если бы напоролись поодиночке на французских каперов? Война же.

– Ну и напоролись бы. Пушки зачем?

– Но это же тебе не с колюжами на Ситке воевать! Что наши пушки против большого фрегата? У меня их всего двенадцать, несколько оставил на Камчатке по просьбе Кошелева...

Лисянский ответил весело, пряча виноватость:

– Брось! Ты в стольких баталиях порохом прокопчен. Неужели сдался бы какому-то каперу?!

– Не сдался бы, но и гибнуть в конце пути радость невелика. Да и с тобой могло быть то же. Тем более понесло тебя Английским каналом, чуть не в зубы неприятелю.

Юрий тряхнул кудрями. Крузенштерн сказал с досадой:

– Лихой ты капитан, Юра, но твоей лихости еще бы здравого ума поболее...

Лисянский вздохнул. Ответил уже без улыбки:

– Люди домой рвались. Вот и решил я – прямо в Европу. Тебе остров Святой Елены интересен, а мне что? Я его в свое время вдоль и поперек исходил. Чего я там не видел?

«Могила Головачева ты там не видел», – сумрачно подумал Крузенштерн. Но о том не сказал.

А хотелось сказать. Потому что сверлила мысль: приди «Нева» на Святую Елену, и, может быть, не случилось бы несчастья. Конечно, прямой связи здесь не было. Мог и тогда лейтенант Головачев совершить свой непоправимый поступок. Но, возможно, что-то и помешало бы. Всякое, даже малое, изменение в обстановке иногда поворачивает события по-другому. Кто знает, может быть, присутствие «Невы» у острова построило бы в другом порядке цепь тогдашних дел, встреч, разговоров. И могло случиться, что Головачев не оказался бы в то утро один в каюте...

...Крузенштерн отодвинул бумаги, прикрыл глаза. Нет, Лисянский не мог предвидеть несчастья, ни в чем он не виноват. Если уж искать виноватых, то смотреть надо в самое начало. Не окажись в экспедиции Резанова, не случилось бы многих бед. Но сейчас что ему делить с Резановым и кто их рассудит? Ранняя несчастная смерть Николая Петровича в Сибири, а перед тем достойная чувствительных романов любовь его к калифорнийской красавице окружили имя Резанова ореолом...

В нынешние дни о Резанове один Василий Михайлович Головин решил отозваться нелицеприятно. Вот как написал: «Он был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову более созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания... Мы увидим, что он наделал компании множество вреда...»

Если бы одной компании!

Действительно, создавать фантазии Николай Петрович умел. Иногда – самые нелепые. Это надо же придумать: «На «Надежде» бунт против государя императора!»

Впрочем, следует оставаться справедливым: был Резанов по-своему честен и достаточно смел. Временами... Но порою удивлял всех пустыми страхами и комедиантством.

Однако хватит о нем. Головин сказал – и того достаточно. Головин вообще самый прямой в суждениях и смелый среди знаменитых нынче русских капитанов (недаром были разговоры о связях его с теми, кто вышел на Сенатскую площадь). Смелее всех, с документами на руках, доказал, как бесчинствуют на Кадьяке и других островах приказчики Российско-Американской компании. Специально для того ходил на Кадьяк на шлюпе «Камчатка». Проверил досконально и подтвердил сведения Лисянского о жестокостях и алчности компанейских купцов и начальников. Но тому же Лисянскому всыпал в журнале «Сын отечества», а потом и в книге своей за неверно составленную карту Чиниатского залива. Из-за неточности едва не сел шлюп «Камчатка» у Кадьяка на рифы, что могло кончиться полной гибелью. И напрасно писал

любезный Юрий Федорович гневную ответную статью. Уж коли виноват, нечего спорить. За храбрость, за мореходное умение и открытия тебе честь, но легкомыслие и ошибки в морском деле могут принести беды немалые.

Мысли замкнули круг и от Лисянского снова пришли к острову Святой Елены. Крузенштерн потрянул головой и взялся за оттиски с начала. Надо было все же прочитать их по порядку.

Колокол между тем уже не раз отмечал перемены...

В четыре часа пополудни Иван Федорович из квартиры, что находилась в первом этаже корпуса, снова прошел в кабинет. Мысли были теперь не те, что с утра. Множество планов требовало от нового директора и множества забот. Нужны новые науки и новые профессора. Нужны классы, где лучшие морские офицеры могли бы продолжать обучение... Летняя практика на учебном корабле должна проводиться для гардемаринов ежегодно... Для матросских детей необходима школа. И пора взяться за постройку дома для семейных матросов, что служат при корпусе. А то живут в подвалах с женами и детьми, и даже с внуками, как Матвеич...

Григорий, словно откликнувшись на мысли, опять появился в кабинете. Шаркая ногами, направился к окну, раздернул шторы. Сказал очень хмуро:

– Свечи-то уж можно погасить.

– Погаси, – согласился Иван Федорович. За окном пробилось в облачную щель неожиданное солнце.

Григорий сердито дунул поверх абажура. Стало темнее, но солнечные полосы резко и весело загорелись на стеклах книжных шкафов. Григорий открыл дверцы, начал протирать корешки. Прибираться в книгах разрешалось ему одному.

– Ты что не в духе? – усмехнулся ему в спину Крузенштерн. – Жена небось опять пилила? Или внук не слушает?

– Чего ему не слушать? Я с детишками всегда слова найду, без всякого озверения. Не то что некоторые...

– Да что случилось-то, Матвеич?

– А то, что, конечно, воля ваша, только не дело это, ваше превосходительство...

«Ваше превосходительство» вместо привычного «Иван Федорович» пуще многих слов сказало, как рассержен старый матрос.

– Да объясни ты толком! Какое «не дело»?

– А такое... Сами говорили, что не будет больше этого. А теперь мальчонку исхлестали, будто загульного матроса.

– Какого... мальчонку? – От догадки нервным ознобом свело на щеках кожу.

– Будто не знаете... Самого малого из них, Егорку Алабышева. Которого Мышонком кличут... И хотя было бы за что, а то ведь...

«Господи, – подумал Крузенштерн, – это же я виноват! – Он всей душой ощутил отчаянье и боль этого Егорки. Его ужас и слезы. Особенно после того, как Мышонок поверил в спасение! – Это я виноват! Не сказал Фогту вовремя!.. Но как я мог подумать, что этот мерзавец осмелится?..»

Григорий, встревожившись долгим молчанием адмирала, оглянулся. Увидел его лицо.

– Да неужто не знали?.. Иван Федорович, простите дурака, Христа ради...

Крузенштерн через силу сказал:

– Матвеич... Пригласи дежурного офицера, голубчик.

Григорий торопливо зашаркал к двери. Крузенштерн сидел, стискивая горячими пальцами щеки.

Бравый мичман возник на пороге.

– Ваше превосходительство! Дежурный офицер вверенного вам корпуса мичман Васнецов по вашему...

Крузенштерн движением ладони остановил его. Помолчал несколько секунд, стараясь унять гнев. И все же не сдержался:

– *Бывшего* командира резервной роты Фогта ко мне...

Удивление мелькнуло на лице мичмана и, кажется, удовольствие: видимо, сей офицер не жаловал Фогта. Он щелкнул каблуками. Григорий, оказавшись в дверях, посторонился.

– Матвейч, – мягко сказал Крузенштерн, – ты пока ступай. Я тут разберусь... Дверь не закрывай. – Ему не хотелось откликаться на стук.

Фогт шагнул в кабинет.

– Честь имею явиться по приказу вашего превосходительства. Вверенного вам корпуса резервной роты командир капитан-лейтенант Фогт.

Согнувшись над столом и глядя исподлобья, Крузенштерн глухо сказал:

– Как смели вы, сударь, нарушить мое распоряжение...

От этого презрительно-штатского, хлесткого, как пощечина, «сударь» Фогт дернул щекой и веком. И, помолчав на секунду более, чем дозволено приличием и дисциплиною, произнес:

– Покорнейше прошу ваше превосходительство указать, какое распоряжение я нарушил.

– Следует ли думать, что вам не известен мой приказ воздерживаться от наказаний, подобных тому, какое вы применили к кадету Алабышеву? А если уж возникает прискорбная необходимость, то делать сие только с моего личного разрешения...

– Я считал, ваше превосходительство, что приказ касается запутанных и сложных случаев. Сей же случай был так прост, что я полагал ненужным беспокоить ваше превосходительство. Вина кадета Алабышева была очевидна.

«И вины-то никакой не было, – подумал Крузенштерн. – Да и в этом ли дело?» Но говорить с подлецом о человеческих чувствах, о сострадании – все равно что рассуждать с нукагивским королем Тапегой про Бугерово сочинение о навигации. Бить надо было тем, что ему, Фогту, доступно: параграфами.

– Как вы сказали? – переспросил Крузенштерн. – Вы *полагали*?

Холодное, невидимое собеседнику бешенство вдруг поднялось в нем – со звоном в ушах, с ненавистью, но и с ясностью в мыслях. То, что испытывал он порою, когда сталкивался с тупостью, самодовольством и жестокостью. То, что испытал впервые, неожиданно, в тот давний день на шканцах, у Нукагивы. Тогда в словах Резанова прозвучала нагло-снисходительная интонация, которая только что еле заметно скользнула у Фогта.

Впрочем, сейчас Крузенштерн удержался от вспышки.

– Вы *полагали*... – тяжело повторил он. – А ведомо ли вам, что полагать и принимать свои решения офицеру Российской империи можно тогда, когда он в самостоятельном плаваньи, в бою или иных обстоятельствах, где требуется его личная ответственность? Находясь же в ежедневной службе под началом старших командиров, он первейшей своей обязанностью имеет выполнение инструкций и приказов, ему отданных.

Фогт опять дернул щекой и сказал, не теряя почтительного достоинства:

– Я учту замечания вашего превосходительства.

Крузенштерн откинулся на стуле. Сжал и расслабил лежавшие на столе кулаки.

– Замечания? Учитывать их вам уже нет надобности, вы более не наставник в корпусе. Но это еще не наказание, а лишь необходимая мера оградить воспитанников от вашего пагубного влияния. Поступок же ваш столь чудовищен, что я не решаюсь дать ему полную оценку и в рапорте Морскому штабу попрошу сделать это высших начальников... Пока же отправляйтесь под домашний арест и ждите решения. Если вам сочтут возможным сохранить офицерское звание, штаб, наверное, подыщет для вас место на корабле.

– Слушаюсь, – отрешенно отозвался Фогт. И добавил неожиданно: – Я и сам имел намерение проситься в эскадру.

– Отменно! – вырвалось у адмирала. – По крайней мере, ваша любовь к употреблению линьков и розог будет там не столь опасна. Взрослые матросы переносят зверства легче детей.

Фогт заговорил опять. То ли было ему уже все равно, то ли он не боялся быть дерзким, имея сильных заступников.

– Смею уверить ваше превосходительство, что в отношении матросов я всегда строго придерживался правил, установленных для русских военных кораблей.

Крузенштерн посмотрел ему в лицо. Они понимали друг друга. Ох как ненавидели и понимали!

– Я вижу ваш намек, господин капитан-лейтенант, – проговорил Крузенштерн, слегка расслабляясь. – Вам угодно сказать, что «Надежда», которой я в свое время командовал, была скорее купеческим, нежели военным кораблем. Но замечу, что на любом судне главная задача командира – не строгость ради строгости, а всемерное попечение об экипаже. Это правило дало мне возможность вернуться из плавания, не потеряв ни одного человека.

Опять дрогнула щека у Фогта, и он переглотнул. Словно загнал в себя чуть не вырвавшиеся слова.

– Говорите, если что-то хотели, – усмехнулся Крузенштерн. – Лишняя ваша мелкая дерзость не усугубит главной вины, не бойтесь.

– Я не хотел сказать ничего дерзкого. Замечу только, что Андрей Трофимович Головачев хорошо знаком с нашей семьей. И он помнит судьбу несчастного своего брата...

«От этого и правда никуда не уйдешь», – подумал Крузенштерн. Помолчав, он медленно встал.

– Ну что же, – сказал он, глядя Фогту поверх головы. – Желая задеть меня, вы добились своего и тронули больное место... Однако, говоря о благополучном возвращении, я имел в виду матросов. Лейтенант же Головачев – блестящий моряк и офицер – стал жертвой тяжких обстоятельств, душевного недуга и собственных острых понятий о чести... – «О которых ты, сукин сын, понятия не имеешь», – добавил он мысленно. И продолжал: – Совесть наша друг перед другом чиста. А если есть чья-то вина, то теперь нас рассудит только Всевышний... Ступайте...

Когда Фогт вышел, Крузенштерн постоял у окна, машинально ощупывая глазами таке-лаж и рангоут брига. Отметил досадный перекося фор-брам-рея и провисание грот-стенъ-штага. Ждал, что воспоминания об острове Святой Елены опять неумолимо и тоскливо лягут на душу. Но нет, не случилось. Потому что другая тяжесть – стыд и вина перед маленьким Егором Алабышевым – была сильнее других чувств. Иван Федорович тяжело прошел к порогу.

Григорий маячил неподалеку от двери.

– Матвейч, иди сюда... Что мальчик? Они его... сильно?

– Может, и не так уж сильно по первости. Да обидно же... Съежился в спальне, все еще плачет.

– Приведи... если он может.

Следовало бы пойти самому, но не смог себя заставить: как будут смотреть кадеты на директора, который обещал защиту и предал!

Он сел в кресло – не к столу, а у камина.

Минут через пять вошел Григорий, ведя осторожно за плечи Егора. Тот глядел в пол.

– Подойди ко мне, – тихо сказал Крузенштерн.

Алабышев подошел, сбивчиво ступая по ковру. Встал в двух шагах от кресла. На опущенном лице разглядел Крузенштерн разводы от слез, на ресницах – капли. Он привстал, взял мальчика за локоть, притянул ближе. Локоть затвердел; твердость эта от злого недоверия и обиды.

И тогда Иван Федорович сказал то, что ни в коем случае не должен говорить командир подчиненному, и уж тем более адмирал крохотному кадету:

– Егорушка, ты прости меня. Я же не знал...

Егор взметнул ресницы – так, что слетели с них брызги.

– Я помыслить не мог, – вполголоса говорил Крузенштерн, – что он посмеет так... без моего ведома... Думал – пугает...

Егор шепотом спросил:

– Значит, вы не разрешали?

– Да что ты! Как же я мог?

Егор всхлипнул, но уже как-то размягченно. Сам придвинулся еще на полшага. Лицо его было на одном уровне с адмиральским эполетом. Крузенштерн взял в ладони его маленькие холодные пальцы.

– Я ведь знаю, как это горько... Наверно, сперва хотелось уйти куда глаза глядят, корпус бросить навеки... Так ведь?

Егор кивнул. Но вдруг сказал без жалобы, тихо, но жестко:

– Но теперь не хочу. Я стану офицером.

Крузенштерн печально улыбнулся:

– И думаешь: только получу офицерский чин – и тут же вызову этого Фогта на дуэль...

Егор опять вскинул ресницы, но сразу набычился:

– Да. Вызову.

– Ну, что же, вызови, коли будет охота... Но кажется мне, ты к тому времени поймешь: не стоит он того... – Крузенштерн опять говорил то, чего говорить не следовало по законам дисциплины. Зато ладонь Егорушки теплела. – К тому же сей Фогт и без этого наказан уже порядочно. И к роте более не вернется.

Егор шмыгнул носом. Так же, как после долгих слез, успокаиваясь, шмыгают все дети. «Слава Богу», – подумал Крузенштерн и сказал:

– На дуэлях люди головою рискуют, а это ни к чему. Если уж отдавать жизнь, так за большое дело, за отечество. За людей, которых защищаешь. Обещай это. Хорошо?

Егор посопел опять и ответил шепотом:

– Хорошо...

– Молодец... Тебе худо пришлось нынче, но уж коли так случилось, запомни это не ради одной обиды. Станешь капитаном, будешь командовать многими людьми. Капитан в море – он один царь и Бог над всеми, кто на корабле. Не чини тогда людям жестокостей, помни, как горька несправедливость и боль... И на меня не сердись, ладно?

Егор смотрел теперь прямо:

– Я не сержусь, ваше превосходительство. Честное слово.

– Не надо «превосходительства». Мы ведь не по службе тут беседуем. Иван Федорович я... Сколько тебе лет-то, Егор?

– Десять с половиною, ва... Иван Федорович.

– Годы быстро бегут... Ох как быстро, Егор. Будет когда-нибудь у тебя свой корабль, пойдешь вокруг света. И забудешь, как звали тебя Мышонком... – И встревожился адмирал: – А почему так зовут? Уж не обижают ли товарищи?

«Если и обижают, не скажет», – подумал он.

Но Егор Алабышев улыбнулся по-хорошему. И сказал смущенно, однако без досады:

– Это не для обиды так прозвали. Когда все балуются или гуляют, я с книжкой люблю сидеть. Ребята говорят: «Шуршишь, как мышенок в углу...» А потом просят рассказать, что читаю...

– Про что же читаешь? – улыбнулся и Крузенштерн.

– Про плаванья... Вашу книгу тоже читал, «Путешествие вокруг света»...

– Да? А еще про что?

– Еще Василия Михалыча Головнина «В плену у японцев»... И Юрия Федоровича Лисянского, который плавал вместе с вами...

– Лисянский плавал более один, чем со мною, у него особые заслуги... Значит, мечтаешь о море?

– Так точно, в... Иван Федорович. Я очень плавать хочу... Мы этим летом у нас в деревне корабль из плота сделали на пруду. И парус был... Я чуть не потонул один раз...

– А вот тонуть-то не смей, – засмеялся Крузенштерн, вспомнив детские игры в имении под Ревелем. – Тебе плавать и плавать, целую жизнь. Может быть, героем станешь, как многие наши офицеры в недавнем бою под Наварином... Слышал ли?

– Конечно! Михаил Петрович Лазарев на «Азове» разом с пятью кораблями дрался и все потопил!.. А перед тем он два раза ходил вокруг света и с капитаном Беллинсгаузенем новые земли открыл в Южном море... Говорят, про их плавание тоже есть книга. Я слышал, но не читал...

– Нет еще, не напечатали пока. Но немало есть других сочинений о разных открытиях, что сделали русские капитаны... Я скажу новому командиру роты, что завтра ты свободен от классов. Пойдешь в библиотеку, возьмешь какие хочешь книги и читай на здоровье.

– Младших туда в будние дни не пускают, только по воскресеньям.

– Я распоряжусь... А ты за это дай мне одно обещанье. Дашь? Не бойся, оно легкое...

Глаза Егора совсем уже высохли. Он глянул с хитринкой:

– А про что обещанье, Иван Федорович?

– Как станешь знаменитым мореходцем, откроешь новые острова да напишешь про них свою книгу, не забудь прислать в подарок мне, старику... Коли буду жив... Обещаешь?

Офицер Российского флота Егор Алабышев не написал своей книги. У него была иная судьба. Но Крузенштерна он помнил всю жизнь. До последнего дня, до последней вспышки...

Первая часть Медный стук часов

Новогодние сюрпризы

Месяц звонкий и рогатый
С неба звезды сгреб лопатой.
Новый год, Новый год,
Нынче все наоборот!

Эти стихи 29 декабря сорок седьмого года сочинил ученик четвертого класса «Б» новотуринской начальной школы номер десять Толик Нечаев. Они сами придумались, когда Толик волок с базара елку.

С елкой Толику несказанно повезло. Хотя и не сразу.

Часа два Толик топтался на городском рынке, в огороженном квадрате, который назывался «Елочный базар». Елок хватало, но тоска брала, когда он смотрел на однобокие уродины с редкими ветками. Правда, можно было купить два таких «инвалида» и связать вместе, но душа Толика восставала против подделки. Елка должна быть без всяких обманов и хитрости, одна и настоящая! Какая елка – такой и праздник получится.

Среди покупателей возник было неуверенный слух, что, может быть, еще привезут елки, прямо из лесничества. Но продавщица – тетка в могучем тулупе – развеяла надежду:

– Ишшо чё! Вечер на дворе. Берите эти, завтра и таких не будет.

Толик понимал, что это, скорее всего, правда. Вот балда-то! Надо было раньше покупать. Все тянул, хотел, чтобы свежая была... А может, завтра все-таки привезут?

Толик продрог, в варежках коченели кончики пальцев. Так ничего и не выбрав, побрел Толик с рынка. И уже за воротами увидел красавицу ель.

Она была темная, голубоватая, с чешуйчатыми шишками в тени разлапистых веток. Ее наверняка только что привезли из леса: в хвое светился снежок. Поблескивали сосульки. От оранжевого, очень яркого заката в сосульках дрожали огоньки. Караулил елку низенький краснолицый мужичок в рыжем полушубке. Он притопывал и нерешительно поглядывал на редких прохожих: то ли кого-то ждал, то ли побаивался. Может, милиции?

Толик задрал голову и спросил жалобно и восхищенно:

– Продается?

Мужичок глянул сумрачно и рубанул:

– Тридцать рублей.

Катись, мол, не для тебя товар.

Толика и правда отшатнуло. С точки зрения здравомыслящего человека цена была непомерная.

За эти деньги можно не меньше десяти раз сходить в кино. Можно купить похожий на фотоаппарат фильмоскоп и к нему еще (если добавить сорок копеек) цветную ленту. Например, «Халифа-аиста» или «Оборону Севастополя». А лучше всего – автомат! Ствол и диск у него деревянные, зато приклад от настоящего ППШ. Видно, после войны автоматы в больших количествах стали уже не нужны и оставшиеся на заводах заготовки пустили на игрушки. Такой почти настоящий ППШ с трещоткой стоил как раз тридцатку. Толик не раз думал об

этом, когда пересчитывал свои сбережения. Но он не поддавался никаким соблазнам. Главное – елка и все волшебные новогодние радости...

Делать сбережения было нелегко. На пирожках в школьном буфете и на кино много не сэкономишь. У мамы тоже лишний рубль не выпросишь. Не потому, что маме жалко, а потому, что зарплата у машинисток – «кот наплакал»... А еще эта реформа две недели назад! Конечно, здорово, что отменили хлебные карточки, теперь можно есть досыта. И новые деньги – красивые такие, просто удовольствие их разглядывать. Да только меняют-то их на старые один рубль за десять. Толик чуть не заревел, когда узнал про такое. С осени копил, старался, а теперь что?.. Но скоро стало известно, что мелочь обменивать не надо: медяки и «серебрушки» останутся прежними. И Толик обрадованно потряс жестяной копилкой.

В общем, так или иначе, а расплатиться с мужичком в рыжем полушубке Толик мог. Но все-таки он жалобно сказал:

– А может, двадцать пять, а?

Мужичок глянул с интересом. Но ответил непреклонно:

– Я ее по заказу с участка тащил, одному артисту драматическому в театре. А он говорит теперь: не надо. А я зря надрывался, да? Тридцать.

Толик сдернул варежки, подышал на пальцы, расстегнул пальтишко. В пришитом к подкладке кармане лежали его капиталы...

Мужичок пересчитал новые рубли и трешки и стремительно подобрел:

– Вот и ладненько!.. А как потащишь-то?

– Я близко живу, – торопливо соврал Толик. Он испугался, что мужичок передумает.

– Ну, держи... За середину берись, чтоб ловчее нести...

Мужичок навалил ель на Толика, и тот оказался в хвойной чаще. Праздничный запах снежного новогоднего леса вскружил ему голову. Но тяжесть оказалась вовсе не праздничной. Толик пискнул и поволок покупку по Рыночному переулку. Со стороны казалось, наверно, что упавшая набок большущая елка сама семенит куда-то на слабых ножках в подшитых валенках.

Так он добрался до улицы Коммунаров – центральной «магистрали» Новотуринска. Уложил елку на обочину, выбрался из-под веток и понял, что силы свои немисливо переоценил.

Изредка проезжали автобусы. Но разве залезешь туда с такой громадиной? Даже в открытый, переделанный из полуторки автобус Толика с этим деревом не пустят...

Но правду говорят, что под Новый год случаются чудеса. Неторопливая лошадка протасила мимо Толика розвальни. В них сидел на соломе старый небритый дядька (последний свет заката искрился на его седой щетине). Толика словно толкнуло:

– Дяденька, подвезите меня с елкой! А то я помру, не дотащу! – Он сказал это и весело, и жалостно. Сам удивился своей смелости и не ждал, что «дяденька» отзовется.

– Тпру... – сказал дядька. Оглянулся: – А тебе куда?

– На Запольную! – заволновался Толик. – Это по улице Красина, а потом за Земляной мост...

– Это же в Заовражке! А я в Рыбкооп, на базу.

– Ну, хоть до моста! А там уж я дотащу!

– Вали свою древесину. Вот сюда, ближе втаскивай... Садись... Но-о, голубушка, чтоб тебя черти съели!..

Сразу стало все прекрасно. Даже пальцы в варежках перестали мерзнуть. Замечательная заиндевелая лошадка повезла елку и Толика мимо замечательных, уже освещенных витрин с нарисованными снежинками и цифрами «1948», мимо кинотеатра «Победа» с афишей нового замечательного фильма «Первая перчатка», замечательную песенку из которого пели все мальчишки: «При каждой неудаче давать умеете сдачи, иначе вам удачи не видать!» (Толик, правда, не всегда умел давать сдачи, но песенка ему нравилась.)

Замечательный небритый возчик спросил про елку:

– Куды же ты ее такую волокешь? В школу, что ль?
– Не-е! Домой, – гордо сказал Толик.
– Домо-ой? Дак не влезет же.
– У нас потолок высокий. Нам осенью новую комнату дали, большую... Там раньше эвакуированные жили, целых шесть человек!

– А вас, выходит, меньше? – поинтересовался словоохотливый возчик. И благодарный Толик объяснил:

– Мама да я... Еще сестра, но она сейчас в Среднекамске, в институте учится. На инженера-химика.

– Сестра – это хорошо, – вздохнул дядька и закашлялся. – У моих сынков тоже сестра была... Вот ведь дело какое вышло: два сына ушли на войну и дочка. Парни-то оба вернулись, а сестренку ихнюю убило. В сорок пятом уже, в Германии. Фельдшер она была...

Толик вежливо молчал. Что тут скажешь?

– А ты, выходит, за мужика в доме? Отец-то небось тоже погиб?

– Под Севастополем...

– Помнишь батю-то?

– Маленько, – признался Толик. В армию отца призвали еще до войны, в тридцать девятом, когда Толику не было двух лет. С тех пор отец появлялся дома два-три раза на очень короткие деньки. И Толику запомнились лишь новые коричневые ремни, запах табака и одеколона и звездочка политрука на суконном рукаве гимнастерки...

Дальше ехали молча. Мимо четырехэтажного горсовета, мимо решетки городского сада, мимо старой церкви, где была контора Заготзерно. Потом свернули на улицу Красина... Грустная минутка ушла, и опять вернулось новогоднее настроение.

Закат светился над заснеженными крышами. Жестяные дымники печных труб чернели, будто кружевные теремки. Поверх заката ехал в ту же сторону, что и Толик, месяц с лихо задранным подбородком. Замечательный новогодний месяц.

«Скырлы-скырлы, скырлы-скырлы», – поскрипывали полозья. Как липовая нога в сказке про медведя. Но сейчас была другая сказка – добрая. И под равномерный скрип в голове у Толика замаршировали веселые слова:

Месяц звонкий и рогатый...

Месяц звонкий и рогатый...

Рогатый – понятно почему. А звонкий... Потому что он серебристый и полупрозрачный, как из льдинки. Щелкни ногтем – и зазвенит...

Скоро пришлось попрощаться с добрым дядькой и тащить елку по Земляному мосту. Толик волок ее, ухватив под мышку комель; елке это было не на пользу, верхушка тащилась по снегу, но что поделаешь? С крутых склонов съезжали в лог на санках и лыжах орущие от восторга мальчишки. Закат быстро догорал над невысокими домами и деревьями Заовражка. Месяц стал ярче. Но звезд по-прежнему не было. Может, месяц решил подурочиться и соскоблил их с неба острым подбородком? Как лопатой!

Месяц звонкий и рогатый
С неба звезды сгреб лопатой!
Новый год, Новый год,
Нынче все наоборот!

Толик прошептал это, сопя от усталости и веселой натуги. Почему «все наоборот», он и сам не знал. Так получилось.

А может, и правда наоборот? Не так, как обычно.

Ведь дядька не хлестнул кобылу и не проехал мимо, а взял да и подвез Толика.

И по календарю сегодня понедельник, а у ребят – выходной. В школе решили позаниматься в воскресенье, чтобы потом сразу – каникулы. Но и в воскресенье не учились. Вера Николаевна раздала табели и всех отпустила после первого урока. Ура!

По арифметике у Толика выходил явный трояк, но Вера Николаевна поставила четверку. Сказала: «Ладно уж, гуляй, добрый молодец, без печали». Вот какой веселый «наоборот»!

Только скорей бы добраться до дома...

Толик втащил елку во двор, когда совсем стемнело. Окна их с мамой комнаты на втором этаже светились. Значит, мама уже пришла с работы. Так рано! Тоже хороший «наоборот»!

Но мама встретила Толика неласково:

– Я уже искать собралась! Где тебя носило?

– Елку тащил! Пойдем, покажу! Ну, пойдем, увидишь какая!

Мама покачала головой, накинула платок и ватник...

Вместе с мамой вышел Султан. Он радостно уставился на елку и заколотил Толика хвостом по валенкам.

– Ой, – сказала мама. – Толька, ты спятил... А как мы эту громадину в сарай затолкаем?

– Вот я и сам думаю...

– Если здесь оставить, могут стащить.

– Ага... Мама! А давай прямо сейчас ее украсим! А? Ну, ведь уже почти праздник! Даже в школе сегодня утренник был, и на площади елка!

– Не выдумывай...

– Ну почему «не выдумывай»?

– До послезавтра она осыпаться начнет.

– Да что ты! Она же только из лесу!.. Согласна? Ура!

Он облапил маму и чуть не уронил в сугроб...

– Дурень сумасшедший, – сказала мама.

Старая подставка из брусков крест-накрест оказалась мала. Пришлось ставить елку в кадушку, укреплять в ней ствол поленьями. Верхушка царапала потолок. Чтобы прицепить к ней серебряную самодельную звезду, Толик поставил на стол тумбочку, на тумбочку табурет. Султан неодобрительно смотрел на эти упражнения, фыркал и поматывал остроухой головой. Он только что обнюхал елку и уколол нос.

Игрушек для такой великанши оказалось маловато.

– Ничего, – сказала мама. – Еще ваты накидаем, будто снежок... Да и незачем такую красавицу чересчур игрушками увешивать, она и так хороша.

Но все же мама хитро посмотрела на Толика и достала из сундука несколько разноцветных шаров с картинками. Вот это сюрприз! Толик заорал «ура» и радостно упал с верхотуры на Султана, который обиженно, по-щенячьи, тявкнул и ушел к двери.

Пришла соседка Эльза Георгиевна. Изумилась:

– Куда же вам такая громадная, двоим-то?

– Почему двоим? Варя приедет, к ней ребята придут, бывшие одноклассники, – весело возразила мама. – И еще гости всякие... Наверно, и вы не откажетесь нас посетить?

– Ох, не знаю. Ко мне должна прийти сестра Вадима Валентиновича с мужем, это традиция... Вадим Валентинович так любил Новый год и елку, просто как ребенок. Сам игрушки делал, особенно солдатиков... – Эльза Георгиевна вдруг поджала губу, кивнула и вышла. Она была ничего, не вредная соседка, но старомодная и со странностями. Одинокая и бездетная...

– А Дмитрий Иванович придет? – спросил Толик.

– Н-не знаю. Едва ли. Он встречает Новый год со своими сотрудниками, в Рыбкоопе. У него там друзья.

– А ты? – ревниво сказал Толик.

– Что я?

– Разве не «друзья»?

Мама и Дмитрий Иванович познакомились в сорок шестом году, они вместе работали в комиссии на избирательном участке. Потом Дмитрий Иванович к ним часто заходил в гости. Про войну Толику рассказывал, научил вертушки с флюгерами делать, чтобы на крыше прибивать. Осенью помог им с мамой переехать в новую комнату. В кино маму приглашал, в цирк. А недавно они опять дежурили в одном агитпункте, потому что были выборы в местные Советы, и Дмитрий Иванович всегда маму провожал...

В общем, не было здесь для Толика никакой тайны.

Он снова забрался на стол, на тумбочку, на табурет и сказал:

– Поженились бы вы, да и дело с концом.

– Анатолий!

– Ну чего «Анатолий»? Я же понимаю...

– Ты вот спустись, я покажу, где у тебя понимание.

Толик хихикнул на безопасной высоте и сказал деловито:

– Я серьезно говорю. Не маленький.

Мама села на кровать, помолчала.

– Раз не маленький, должен понимать, как все это сложно...

– Чего сложного-то... – буркнул Толик. Но уже не для мамы, а себе под нос.

Когда кончили украшать елку, был уже девятый час. Толик подул на исколотые хвоей руки и украдкой глянул на маму. Сказал осторожно и явно подхалимским голосом:

– Ма-а...

– Не выдумывай!

– Ну, мам...

– Я так и знала! Сперва одно, потом другое...

– Только попробуем. Самую чуточку...

– Ты жулик, – сказала мама.

Толик радостно затанцевал:

– Всего на полминутки!

– Мелкий авантюрист и вымогатель...

Мама достала пачку свечек и связку подсвечников-зажимов.

– На самые маленькие полминутки, – повторил Толик.

– В густоту не ставь, пожар устроим.

Толик укрепил свечки на хвойных лапах подальше от бумажных игрушек. А одну – у самой верхушки, чтобы звезда сверкала.

– Мама, давай зажигать! Я здесь, а ты внизу!

– Подожди... – как-то странно сказала мама. – Спустись.

Толик встревожился и послушно прыгнул на пол.

Мама задумчиво пригладила ему коротенькую прическу «полубокс».

– Если уж зажигать, значит – праздник. Умойся и причешись.

Толик заволновался, послушно и старательно вымыл на кухне, под звякающим умывальником, руки, лицо и шею. Ледяной водой, взятой в сенях из кадки! Мама включила электрочайник. Потом дала маме Толику белую рубашку и черный праздничный костюм, который знающая портниха тетя Римма сшила из маминой вельветовой юбки. Такие костюмы из вельвета были у многих мальчишек, но Толику они не нравились: куртки висели, как мешки, а застег-

нутые под коленками штаны раздувались, будто аэростаты. Любой пацан делался похожим на куль с куриными ножками. А костюм для Толика получился ладный, без лишней полноты и складок. Наверно, потому, что материи в юбке было в обрез. Даже на рукава не хватило, вместо куртки вышел жилетик. Ну и ладно, так даже лучше, белую рубашку заметнее.

А военные пуговицы горят, как золотые!

В глубине души Толик считал, что в этом наряде он похож на Пятнадцатилетнего капитана или Роберта Гранта.

Из-под кровати Толик вытащил свои легонькие летние сандалии. Свежий воротник ласкал шею. Лицо празднично горело от недавнего умывания. Перед зеркалом Толик продрал гребешком куцую челку. Привычно вздохнул по поводу немужественного курносого отражения, но сейчас и оно настроения не испортило.

Мама за шевелящейся занавеской тоже надевала что-то праздничное. Толик замечал, что в последнее время мама стала его стесняться: всегда одевается за шторкой или в темноте. Толик деликатно отвернулся от занавески. А когда глянул снова, мама уже стояла на свету в зеленом своем платье со стеклянными «искорками» на груди. Молодая, почти как Варя...

Мама оглядела Толика и сказала:

– Теперь – зажигаем.

Толик схватил коробок и опять полез к потолку...

Потом они с мамой отошли в дальний угол. Елка с потрескивающими огоньками была как целая лесная страна. В ее чаще мерцали неизвестные сказки. Может быть, затерянные и забытые города, живущие неведомой жизнью.

Как неоткрытые острова в океане.

И над ними сверкала сделанная Толиком звезда.

Жаль, что у сказок такое короткое время.

Мама вздохнула и сказала, что свечи надо поберечь. Но волшебство не исчезло совсем. Запах елки теперь смешивался с запахом погасших свечек. А ведь именно при погасших свечах в замках и подземельях происходили удивительные истории...

Мама принесла булькающий чайник, поставила на стол блюдо с карамелью «кофейная подушечка», тарелку с печеньем.

– Приедет Варя, придут ее друзья, Новый год будет шумный. А сейчас давай сделаем тихий праздничный вечерок.

И они стали пить чай у елки. Елка занимала чуть ли не полкомнаты, она была здесь хозяйка, а Толик и мама – у нее в гостях. Ради таких чудесных минут и старался Толик: деньги экономил, игрушки клеил, елку тащил. Теперь все было замечательно... Только... что-то грустные глаза у мамы. И улыбается она слишком уж задумчиво. Вообще-то ничего особенного, в такие вечера грусть иногда подбирается сама собой. Но все полезно в меру. И чтобы сделать маму повеселее, Толик сказал:

– Раз уж получается сегодня праздник, тогда знаешь что? Я тебе подарю подарок, который к Новому году сделал. Ты не бойся, это не весь подарок, потом еще будет.

И он вытащил из тайника, со шкафа, склеенное «Лукоморье».

Это была словно маленькая театральная сцена. Размером с тетрадку. На ней – дуб с золотой цепочкой, черный лохматый кот ростом с полспички, Баба Яга в ступе из наперстка, а в ветвях – русалка с хвостом из фольги. Из-под белых гребешков на волнах торчали шлемы и копья Черноморова войска (правда, не тридцать три, а поменьше). Подвешенный на нитке к облаку бородатый колдун тащил богатыря с длинным мечом из иголки.

Небо над Лукоморьем было из тонкой зеленой бумаги. Прорезанный в ней месяц Толик заклеил ярко-желтой бумажкой – совсем прозрачной. Посмотришь на просвет – небо таинственно светится, месяц горит, силуэты на сцене будто оживают...

Мама и в самом деле повеселела. Хвалила Толика и долго разглядывала сказочный театр. Потом сказала:

– Я тебе тоже сделаю подарок. Тоже предварительный...

И дала мама Толику синюю книжку с быстрым кораблем на твердой корочке. «Русские кругосветные мореплаватели».

– Ух ты-ы... – сказал Толик. Съехал со стула на пол, под елку, и там открыл первую страницу. – Мам, вот спасибо... – Он торопливо пролистал предисловие (известно, что предисловия читать необязательно). – «Крузенштерн и Лисянский, первая экспедиция на Восток»... Мама, они кто? Капитаны?

– Читай, читай, сам узнаешь, – сказала мама. – Кто у нас моряк-путешественник? Ты или я?

И Толик читал под елкой, пока мама не погнала его в постель. Потом еще читал – под одеялом, с фонариком (вернее, с батареей, к которой были примотаны самодельный жестяной рефлектор и лампочка). Мама наконец сказала сквозь сон:

– Толька, совесть у тебя есть? Я тебя завтра не подниму.

– Ну и что? Каникулы же.

– Мало ли что каникулы! С утра пойдешь на рынок...

Курганов

Уходя на работу, мама растолкала Толика.

– На столе деньги и список: что надо купить.

Толик не стал нежиться в постели. В каникулы для этого почему-то нет настроения. Он выпустил гулять Султана, разогрел на завтрак жареную картошку, полюбовался елкой и отправился за покупками. Ключ оставил в коридоре под половиком. Султану, который шастал по двору, сказал:

– Далеко не бегай. Может быть, Варя появится, а дома никого...

На рынке он купил круг замороженного молока, в овощном подвальчике – квашеную капусту и свеклу для винегрета, в продуктовом магазине на углу – пол-литра подсолнечного масла и душистую буханку хлеба, который теперь без карточек и почти без очереди. А на свои собственные три рубля (которые остались от елки) еще один шарик: ярко-алый, с картинкой «Конек-Горбунок».

Вари дома не оказалось. Да и смешно было надеяться, что ее отпустят из института в учебный день. Зато раньше срока пришла на обед мама. Сказала, что в редакции капризничает машинка и материалы в новогодний номер придется печатать дома.

Она застучала на своем ужасно старом, но еще крепком «Ундервуде». Толик опять уселся читать про Крузенштерна и Лисянского. Рядом приткнулся нагулявшийся и пообедавший Султан. Он тихо сопел и в полудреме постукивал хвостом о половицы.

Толик читал быстро. Он вообще был «книгоглотатель», а если про море и про путешествия – он мчался по страницам, как лихой кавалерист. Но мчался – это не значит, что был невнимательным. Он не пропускал даже тех страниц, которые написаны скучновато, словно в учебнике.

Читать – это вообще самое лучшее занятие. А если вот так, под елкой, и когда мама уютно стучит на машинке, и когда за стеной Эльза Георгиевна что-то красиво, ненавязчиво наигрывает на пианино, и когда не колет мысль об уроках – тогда вообще счастье.

И плывут, плывут корабли «Надежда» и «Нева» к Нукагиве и Камчатке, к Русской Америке и Японии, к Китаю и острову Святой Елены...

В Кронштадт «Нева» и «Надежда» вернулись, когда за окнами стемнело, мама перестала печатать, а Султан опять отпросился на улицу. Толик потянулся так, что заскрипели позвонки.

– Вот книжечка! Мама, ты молодчина, что догадалась купить такую.

Мама, укладывая в портфель бумаги, объяснила:

– Здесь интересное совпадение. Недавно я печатала старые документы одному человеку, по заказу. Как раз насчет этих морских путешественников. Печатаю и думаю: «Вот бы книжку про них достать! А то ума не приложу, что ненаглядному сыну подарить на Новый год. Потом иду мимо «Когиза», и нате – стоят на витрине «Русские мореплаватели». Как в сказке.

– Новогодние чудеса... А что за документы ты печатала?

– Да брошюра старая, инструкции всякие.

– А что за человек? Профессор?

– Господи, откуда у нас в Новотуринске профессора? Так... человек. Заходит иногда в редакцию, заметки пишет... Эту брошюру он в библиотеке отыскал, в архивном фонде, и попросил меня кое-что перепечатать. Видимо, интересуется географией... Ой, Толик, сделай сегодня еще одно доброе дело!

– Опять в магазин, – сказал Толик. – Или свеклу чистить?

– Ничего не чистить. Отвези этому человеку готовую работу. Она дома у меня, а он заходил сегодня в редакцию, спрашивал. Неудобно так... Отвезешь? Он на Ямской живет.

– У-у...

– Ну что «у-у»? Мне на работу надо, и там я застряну, если машинку починили. А тебе прокатиться – одно удовольствие.

Мама угадала. Толик протянул «у-у» для порядка. Читать он устал, сидеть дома одному – радости мало, а прокатиться по вечерним предновогодним улицам в самом деле неплохо.

Мама дала ему плоскую папку.

– Покажи, что за брошюра, – попросил Толик. – Интересно все-таки, морская ведь.

В папке лежала серая тонкая книжица с узором из листьев и маленьких глобусов. Длинное название было оттиснуто старинными буквами:

СОБРАНИЕ ИНСТРУКЦІЙ,

данныхъ въ разное время

командирамъ

РУССКИХЪ СУДОВЪ

при отправленіи въ дальніе плаванія

И ниже:

Санкт-Петербургъ

1853

Толик полистал. Мелькнуло знакомое имя Крузенштерна. Но мама торопила:

– Вот адрес. Вход отдельный, со двора, собаки там нет. Человека этого зовут Арсений Викторович. Он такой, немного хмурый и нелюдимый, но ты не бойся.

– А чего бояться-то? Отдам папку, вот и все.

– Ну... не совсем все. Скажи, что я просила, что, если он может... пусть сразу расплатится за работу. Нам бы деньги к празднику оченьгодились.

Толик поморщился.

– На кино-то небось запросишь, – напомнила мама.

Мама ушла. Толик оделся, выволок из-за вешалки лыжи, снял с гвоздя самодельную сбрую. На крыльце свистнул Султана. Тот вылетел из темноты.

– Хватит без толку носиться, запрягайся.

Султан не спорил.

Они выбрались со двора на укатанную дорогу.

– Ну, вперед! – велел Толик. – Давай!.. Вперед, Султан! Кошка! Где у нас кошка?

Султан радостно взвизгнул и рванул Толика.

Это была игра. Еще давно, когда пес был почти щенком, юный хозяин так приучал его мчаться и тащить лыжника. Приходилось выслеживать впереди кошку, чтобы Султан охотнее набирал скорость. А теперь никакой кошки не было, Султан это прекрасно понимал. Да и на кой шут она сдалась? Если догонишь, что дальше? Не душить же ее, в самом деле. Да и по морде можно заработать когтистой лапой (случалось такое в прежние времена). А бежать и без всякой причины весело. Везти легонького хозяина – это не работа, а шуточки.

Толику тоже было весело. Лыжи слушались отлично, тугие запяточные ремни плотно держали их на валенках. Папка – за пазухой, ремень от упряжки – в левой руке, а правая откинута, как у канатоходца, – чтобы сохранять равновесие...

А по сторонам бегут назад желтые уютные окошки. И старый знакомый – новогодний месяц – летит за Толиком.

Пересекли большую улицу Луначарского – с двухэтажными домами, фонарями, магазинами и машинами. И опять вокруг сугробы, палисадники да месяц над заборами... И вот уже Ямская. Раньше редко приходилось бывать здесь: в этих краях – ни друзей, ни знакомых. Вроде бы не так уж далеко от Запольной, а все здесь непривычное. Кирпичная часовенка на углу, сад за глухим забором, чужая трехэтажная школа... Даже месяц стал какой-то не такой и притворялся, что незнаком с Толиком.

Ну, ничего, они с Султаном нигде не пропадут.

– А ну, Султан, где здесь кошка?!

Дом номер четырнадцать оказался большой, двухэтажный, с узорчатыми наличниками на высоких окнах второго этажа. А низ – кирпичный. Наверно, раньше жил в доме купец или фабрикант. Калитка открылась мягко, без капризов. Во дворе, у первого крыльца, Толик воткнул в сугроб лыжи.

– Султан, сидеть. Зря не гавкай, лыжи никому не давай.

Султан недовольно двинул ушами: и так знаю. Толик постучал в обитую войлоком дверь. Постучал уверенно: на фанерном почтовом ящике белела при свете месяца надпись:

КУРГАНОВ А. В.

Хозяин отпер дверь, не спрашивая, кто и зачем. Встал на пороге, касаясь головой верхнего карниза. В сенях, за спиной у него, горела яркая лампочка.

– Что угодно? – глуховато спросил Курганов.

– От Людмилы Трофимовны... – Толик протянул папку.

– О! – Голос Курганова стал яснее и добрее. – Это удивительно и прекрасно. – Он взял папку. – Заходите, прошу вас.

Толик подумал, что заходить вроде бы ни к чему. Но вспомнил про деньги.

Они прошли через длинные морозные сени. Толик видел Курганова со спины. Тот был очень высокий, сутулый. В накинутах ватнике, в старых галифе, в громадных растоптанных валенках на тонких ногах. По дороге он зацепил коромысло на стене, оно с грохотом сорвалось с гвоздя. Толик бросился поднимать, но Курганов, не взглянув, сказал:

– Плюньте.

Они оказались в большой комнате – тоже с яркой голой лампочкой. И первое, что увидел Толик, – это громадная синяя карта. Со всеми частями света. Она занимала полстены. Под ней угадывалась высокая, видимо, заколоченная дверь.

– Проходите, – говорил Курганов, – раздевайтесь, вот вешалка... Ах, как прекрасно, что Людмила Трофимовна прислала... Но зачем такое беспокойство? Я бы сам завтра... Вы ее сын?

– Сын, – кивнул Толик. Ему впервые говорили «вы», но он не удивлялся. Он знал, что люди, воспитанные по-старинному, всегда очень вежливы. Даже с детьми. Видимо, и Курганов

такой. Может, и в самом деле ученый-географ? Специально поселился вдали от столицы, чтобы работать в тишине...

Правда, обстановка в комнате была явно не профессорская. Стол, покрытый газетами, разномастные стулья. Железная кровать. Книг много, но полки самодельные, некрашенные. Лишь камин богатый: большой, узорчатый – кружевное чугунное литье. Толик видел такой всего один раз – у мамы на работе, в кабинете редактора. Потому что редакция находилась в старинном доме бывшей заводской конторы буржуа Крутиса.

Здесь камин, конечно, тоже остался от прежних хозяев. Наверно, раньше в этой комнате был чей-то домашний кабинет, а потом его отгородили и сделали отдельный вход с улицы...

Толик, озираясь, машинально отстегнул пуговицы. Курганов забрал у него куцее, похожее на курточку пальто и шапку.

– Проходите, погрейтесь с дороги. Я сейчас чайку...

– Да нет, спасибо...

– Это вам спасибо, так вовремя привезли. Да проходите же!

Толик начал стаскивать валенки.

– Зачем? Не надо! – всполошился Курганов.

– Я шкуру затопчу.

На полу раскинулась бурая медвежья шкура с кривыми когтями на растопыренных лапах.

– Ну и топчите, я сам ее топчу! Это вовсе не предмет роскоши, а так... случайный подарок одного приятеля.

Но Толик уже стянул валенки.

– Тогда я их к печке... – решил Курганов.

Толик подумал, что Арсений Викторович вовсе не хмурый и не молчаливый. Скорей наоборот. Суетится чего-то с мальчишкой, как с важным человеком... «А может, просто стесняется? – мелькнула у Толика догадка. – Может, не знает, как разговаривать с детьми? Может, своих никогда не было...»

Курганов, без сомнения, жил один. Единственная кровать – старая и узкая, вроде солдатской койки. Посуда стоит на тех же полках, что и книги. Вешалка почти пустая, а шкафа для одежды вообще нет. Холостяк. Вроде Дмитрия Ивановича, у которого Толик был несколько раз.

Идти в чулках по упругому медвежьему меху было очень приятно. Толик прошел не торопясь. Присел на скрипнувший стул. Курганов поставил на подоконник плитку, на плитку чайник. Толик думал: не пора ли сказать о деньгах?

Курганов, хотя и был разговорчив, добродушным не казался. Стоило ему замолчать, и лицо делалось невеселым. Это было некрасивое лицо с повисшим над толстыми губами носом. Один угол рта опускался ниже другого. Голубые глазки сидели близко от переносицы и смотрели из-под щетинистых бровей с настороженной виноватостью. Сквозь жидкие бесцветные волосы просвечивала лысина. И все же Курганов был не таким старым, как сперва Толику показалось. Сутулился, но двигался быстро. Он снял ватник, остался в обвисшем черном свитере и сделался еще более тощим и высоким. Длинные руки с большими ладонями торчали из рукавов...

Толик встретился глазами с Кургановым и смутился, что так разглядывает его. Стал смотреть на карту. Она была гораздо больше школьной. Все материки покрывал одинаковый серый цвет, а по морям и океанам растекалась голубая краска разных оттенков – от белесоватой до густо-васильковой.

«Наверно, морская карта», – подумал Толик. Хотел уже спросить о ней Курганова, но заметил картинку – рисунок в деревянной рамке под стеклом. Он висел на карте, левее западных берегов Африки. Толик различил на картинке переплетение корабельных снастей и осторожно подошел.

Рисунок был сделан карандашом на желтоватой ворсистой бумаге. На палубе, у фальш-борта, в окружении хохочущих матросов сидел на бочке бородатый дядька в короне и с вилами. Он тоже хохотал или что-то весело кричал. В левой руке его была объемистая кружка. Поодаль стояла группа офицеров в треуголках. Сквозь частые ванты и бакштаги невдалеке был виден еще один корабль. Он шел под полными парусами, с небольшим креном.

Курганов остановился сзади. Толик оглянулся:

– Это встреча с Нептуном, да? Переход через экватор?

– Совершенно правильно. Русские корабли «Надежда» и «Нева» двадцать шестого ноября тысяча восемьсот третьего года.

– На которых Крузенштерн и Лисянский?

– Да, да... Значит, слышал о них?

– Ага! Я про них только сегодня читал.

– Прекрасно! А что именно? Чья книга?

– Моя. Мама подарила.

– Прекрасно, – опять сказал Курганов серьезно. – Но я, собственно, имел в виду, кто автор...

– Ой, – смутился Толик. – Это – кто написал? Я не помню.

– Ну, ничего, – смутился и Курганов.

– Кажется... Новиков.

– Любопытно... А может быть, Нозиков?

– Может быть, – виновато сказал Толик.

– Ну что же. Нозиков так Нозиков, – с непонятной ноткой проговорил Курганов. – Для начала можно и его.

– Вы его тоже читали, да?

– Д-да... По правде говоря, он не пишет ничего нового. У меня еще в детстве была книга об арктических и кругосветных мореплавателях России, в том числе и о Крузенштерне. Некой писательницы Лялиной, весьма популярной в те года. Так вот, у Нозикова кое-где прямо слово в слово списано...

Толик с первого класса знал, что списывать нехорошо. И ему стало неловко за Нозикова. И обидно за книжку – мамин подарок. Толик сказал насупленно:

– Может, он просто похоже написал. Потому что про одно и то же.

– Да? Ну, может быть, – излишне покладисто проговорил Курганов. – Беда не в этом... И Лялина, и Нозиков описывают экспедицию очень гладко. И не касаются подробностей.

Толик нерешительно возразил:

– Почему? Там есть подробности.

– В событиях кое-что есть. А про людей мало... Например, что мы знаем про этого матроса? – Курганов ногтем ткнул в Нептуна. – Ни Лялина, ни Нозиков о нем даже не вспоминают. А любопытный был человек! Веселый, остроумный. Грамотный. А это редкость среди тогдашних матросов... Правда, и грехи у него были, мог загулять на берегу... В общем, характер... Кстати, мой однофамилец. Я в детстве вообразил даже, что это мой предок...

Толик живо вскинул на Курганова глаза:

– А может, правда?

– Едва ли... Но с него начался мой интерес к этому плаванию.

– А где вы про него прочитали? Про Курганова.

– У самого Крузенштерна, в его книге про путешествие. Очень старая книга, напечатана сто сорок лет назад. Три тома... Я выменял их у своего товарища на пять романов Майн Рида... Вот тогда и прочитал про матроса Курганова... Кстати, непонятно, как его звали. В списке экипажа у Курганова имя Иван и звание квартирмейстер, то есть унтер-офицер...

– Вроде нынешнего старшины?

– Вроде... А в книге Крузенштерн пишет «матрос Павел Курганов»... Думаю, он ошибся. Список – вещь точная, документ...

– Я сразу понял, что вы про них все изучаете. Еще когда мама сказала про инструкции... Вы ученый, да?

Курганов засмеялся. Он странно смеялся. Вперемешку с мелким кашлем. Лицо измялось, рот искривился: один угол поднялся в широкой улыбке, а второй оказался опущенным. Толику это показалось неприятным – будто Курганов насмехается над собой и над ним. Но тут же он понял, в чем дело: правый угол рта у Курганова соединялся с коротеньким коричневым шрамом, косо идущим вниз. Толик моментально вспомнил одну книжку, ее пересказывала ему мама – «Человек, который смеется». Там бродячие циркачи украли мальчишку, сделали ему операцию на лице, и он всю жизнь ходил с уродливой улыбкой. А здесь – наоборот: из-за шрама казалось, что правый край у рта уныло опущен.

А смеялся Курганов по-доброму, без насмешки. Голубые глазки его стали веселыми и симпатичными.

– Тебя как зовут-то? – Незаметно для себя и для Толика он перешел на «ты».

– Толик... А почему вы смеетесь?

– Извини... Просто меня первый раз в жизни приняли за ученого. За кого меня только не принимали! За кладбищенского сторожа, за ревизора, за клоуна... Даже за шпиона. А за ученого – ты первый... Нет, брат, до ученого мне как до Луны. У меня и образования-то – одна гимназия, да и то ускоренный выпуск. На войну торопился...

– На войну? – переспросил Толик, пытаясь сообразить: какие же это были годы?

– Да. Пошел вольноопределяющимся, потом в прапорщики произвели...

– Как... в прапорщики? – сказал Толик изумленно и опасливо. Потому что у красных никаких прапорщиков не было.

Курганов опять улыбнулся:

– Это не Гражданская война, а с Германией, в четырнадцатом году... Мальчишки мы тогда были. Полегло нашего брата прапорщиков, бывших гимназеров и студентов... На подвиги рвались очертя голову... А меня в пятнадцатом году так трахнуло, что очнулся только через месяц в лазарете. И сказали, что воевать больше не гожусь... Ну, вот и чайник закипел. Садись к столу, погреемся. Ты вон в какую даль топал по морозу.

Чай пили с колотым сахаром и твердыми до деревянности пряниками. Толик – из стакана с подстаканником, Курганов – из фаянсовой кружки с отбитой ручкой. Было тихо, даже слишком тихо, и в этой тишине слышался отчетливый медный стук часового механизма. Толик поискал часы глазами и не увидел. Потом опять глянул на Курганова, встретился с ним взглядом и смутился. Молчать было неловко. Толик спросил, продираясь сквозь смущение, как через колючки:

– Арсений Викторович, а почему вы тогда решили, что он ваш дедушка... ну или прадедушка... Этот матрос. Только из-за фамилии?

– Конечно! – Курганов, видимо, обрадовался разговору. – И потому еще, что мне очень этого хотелось... Но оказалось, что никаких моряков у нас в роду не было. Или сухопутные военные, или инженеры, математики... Кстати, если уж искать предков, то разумнее было бы считать таковым другого Курганова. Знаменитого профессора Морского шляхетного корпуса, у которого учился Крузенштерн... Но и это, конечно, пустое. Мой отец сказал однажды: «Не выдумывай. Мало ли Кургановых на Руси...» Сам он был инженером на литейном заводе, а из меня почему-то решил сделать адвоката, отдал в гимназию, а не в реальное училище... Увы, не вышел из меня адвокат.

«А кто вышел?» – чуть не спросил Толик, но не решился.

Однако Курганов понял.

– После ранения поступил в университет, бросил... Время было такое, не до учебы. В девятнадцатом взяли в Красную Армию, но воевать не послали,дохлый я был. Направили в военную типографию... А потом так и стал работать в типографиях. Можно сказать, специалистом сделался, хотя и без диплома.

– Значит, сейчас вы тоже в типографии работаете? – обрадовался Толик. – В газете, где мама?

– Сейчас вот как раз нет... Конторский служащий я, в райпотребсоюзе... Вообще-то мне приходилось не только типографскими делами заниматься. Всякими. И бывать пришлось в разных местах...

«А на фронте?» – чуть не спросил Толик. Он имел в виду последнюю войну, с фашистами. В его понимании все настоящие мужчины должны были участвовать в этой войне.

И опять Курганов понял его без вопроса.

– Перед войной я в Ленинграде жил. Когда финская началась, меня опять призвали. Вернулся уже с лейтенантскими кубиками. А больше воевать не пришлось...

– Признали негодным? – понимающе сказал Толик.

Курганов чуть усмехнулся:

– Признали... Послали работать на Север.

– С экспедицией, да?

– Можно сказать, что с экспедицией... А Ивана Курганова я все-таки считаю немного родственником. Потому что как увидел в старой книге эту фамилию, так и увлекся. Правда, про него самого я узнал немного, но плаванием этим всю жизнь интересуюсь. Пытаюсь кое в чем разобраться. Так, для себя...

– А разве там есть что-то неизученное? Ведь они не так уж давно плавали. Ну, не в древности же...

– Как тебе сказать... Особых тайн нет, и написано про это путешествие много. Но неясностей хватает... В характерах неясностей, в человеческих отношениях. Разные там были люди и разные события. Вот про это бы написать...

Толик поставил стакан. От неожиданной догадки он забыл про смущение. Спросил звонко:

– Значит, вы книгу пишете, да?

Курганов хлебнул, закашлялся, тоже поставил кружку. Коротко засмеялся, оборвал смех и сказал:

– Ну, что скрывать, раз ты догадался...

Шторм в Скагерраке

Толик смотрел на Курганова, приоткрыв рот. Первый раз в жизни он видел писателя. Ну, пускай не знаменитого, но все равно *писателя*. Человека, который *сам* пишет книгу. Потом он тряхнул головой, рот захлопнул и уткнулся в стакан. Глянул исподлобья и сказал с почтением и сочувствием:

– Это, наверно, ужасно трудно.

– Ужасно трудно, – очень серьезно, даже печально согласился Курганов. – Сколько раз уже хотел все изодрать в клочки.

– Зачем? Не надо! – испугался Толик.

– Порой кажется, что все так отвратительно написано. Беспомощно... И посоветоваться не с кем. За три года ты первый человек, с кем я про Крузенштерна заговорил. Я и разболтался-то потому, что... как бы сказать... почувал общий интерес.

– Я люблю про море и про путешествия, – тихо сказал Толик.

– Вот и я люблю. И про путешествия, и про моряков... Удивительные они люди. Сам я тоже в детстве о морской службе мечтал, да не вышло.

Толик подумал.

– Арсений Викторович, знаете что? Если человек про моряков книжку пишет, он ведь и сам тоже как моряк.

Голубые глазки Курганова снова добродушно засветились.

– Да? Может быть... Но это, наверно, если хорошо пишет.

– А вы... много уже написали?

– Ну... повесть эта довольно большая получается. Но я ее уже почти кончаю. Сейчас кое-что переделываю, дополняю... Я ведь, Толик, давно с ней вожусь. И когда на Дальнем Востоке был, и там, под Выборгом. И в... на Севере когда работал... Тебе налить еще?

– Ага... то есть пожалуйста.

– Только вот пряники очень уж каменные.

– Ничего, я такие даже больше люблю. У меня зубы крепкие.

– А я свои почти все угробил за последние годы... – усмехнулся Курганов. И вдруг сказал другим голосом: – Толик...

Толик вопросительно вскинул глаза.

Курганов смотрел из-за кружки нерешительно и виновато.

– А если я попрошу тебя об одной услуге... А?

– Ладно... – неуверенно отозвался Толик. – О какой?

– Может быть, послушаешь у меня несколько страниц? Раз уж так получилось... Раз уж мы встретились так удачно. А?

– Конечно! – обрадовался Толик. По правде говоря, он этого немного ждал. Вернее, не ждал, а думал: «Вот хорошо бы...»

Будет еще одно новогоднее чудо! Он сидит у старинного камина (пускай и не горящего), а писатель читает ему свою книгу. Да еще о Крузенштерне! Час назад про такое Толик и мечтать не мог. Нет, в самом деле, последнее время полно сюрпризов...

Курганов сбивчиво объяснил:

– Ты не удивляйся, что я тебе... Я никому в жизни еще не читал, а ты... Тебя будто сама судьба послала... – Он нервно усмехнулся.

Толик хотел пошутить, что послала не судьба, а мама, но постеснялся и сказал:

– Ладно. Только...

– Что? Дома ждут? – огорченно спросил Курганов.

– Нет, мама еще, наверно, на работе. Султан ждет на дворе, я на нем приехал.

– Ездовой пес?! – обрадовался Курганов. – Давай его сюда.

...Султан был воспитанной собакой. Войдя в комнату, он шевельнул хвостом, будто сказал «здрассте». Курганов сел перед ним на корточки.

– Ух, какие мы красавцы... Прекрасное сочетание, помесь овчарки и лайки. И еще кое-чего понемножку, для гарнира. Медали за чистоту кровей нам не дадут, ну и не надо, зато мы сильные и умные... – Он бесстрашно взял голову Султана в большие свои ладони, потрепал по ушам, погладил загривок. А Султан... Толика даже ревность кольнула: стоит, бродяга, и хвостом машет, будто перед ним старый друг.

Курганов оглянулся на Толика.

– Мне с собаками много пришлось дела иметь, не удивляйся. Они своего сразу чувствуют... Откуда у тебя такой хороший?

– Сам нашелся, два года назад. Он совсем щенок был, худой, и лапа в крови. На нашу улицу прибежал, а я его домой привел. Мама сперва говорит: «Вот еще! Самим нечего есть, вот выставлю обоих из дома...» Потом лапу ему забинтовала...

– Умница, – опять сказал Курганов Султану, еще раз погладил его и распрямился – голова под потолок. Робко спросил: – Ну, что, Толик, начнем?

Толик заволновался и кивнул. Сел у холодного и чистого внутри камина. Султан прилег рядом. Курганов достал с полки желтую картонную папку.

– А камин у вас действует? – спросил Толик.

– Что?.. Да, конечно. Но тепла от него маловато, я печку топлю. Но можно и камин, возни только много... Разжечь?

– Да нет, я же так просто спросил...

Оглядываясь на Толика, Курганов сел к столу, раскинул папку. Странно замер над бумагами. Стало опять очень тихо, и снова Толик услышал медный стук часов. Зашарил глазами по комнате. Но в это время Курганов шумно вздохнул и сказал:

– Я сперва самое начало прочту, ладно?

Толик опять кивнул. Курганов надел очки, нагнулся над листом и глуховато заговорил:

– «Корабельный колокол в громадном обеденном зале, где стоял учебный фрегат, двойным ударом, слышным на трех этажах, отметил начало первой перемены...»

Пока Курганов читал, Толик пошевелился всего два раза. Первый – когда осторожно пересел поудобнее: устроился на стуле верхом, щекой лег на спинку. Второй – когда ногой толкнул Султана: тот, забыв о приличии, стал шумно чесаться. Чтобы не сопеть, дышал Толик, приоткрыв рот. От этого обсыхали губы, он водил по ним языком...

– Ну вот... – сказал Курганов и положил на папку вылезшие из обшлагов ладони. – Ну... как? Не понравилось, да?

Толик опять облизал губы.

– Понравилось. Только...

– Что? Ты не стесняйся, критикуй! – вскинулся Курганов.

– Да нет, все хорошо. Только жалко этого... Алабышева.

– Да? – обрадовался Курганов.

– Да, – вздохнул Толик.

– Но это же хорошо, что тебе его жаль! Значит... я как-то сумел это... передать. Показать...

– Сумели, конечно! А Фогту потом что было? Его правда выгнали из корпуса?

– Разумеется! Но не в нем дело. Он тут не главный герой, про него больше и не упоминается... А какие еще замечания?

– Никаких! Только... там немного одно место непонятно. Что случилось с лейтенантом Головановым?

– С Головачевым... Это, брат ты мой, самая печальная история. Я про него много пишу. Я ведь тебе только пролог прочитал, а дальше будет про само путешествие.

– Это хорошо. А то я все думал: когда про «Надежду» и «Неву» начнется?

– Будет, будет и про это. Прямо со следующего листа... Можно, я тебе еще пару страниц прочитаю? Это про шторм, в который корабли попали в самом начале плавания.

– Ага! – Толик опять положил подбородок на спинку стула. Шторм – это приключение, это интереснее всего.

«Мрак был не черный, а мутно-зеленый – так, по крайней мере, казалось капитану. Он ревел, этот мрак, выл, свистел картечью морских и дождевых брызг и громогласился всюду исполтинскими глыбами воды. Штормовые стаксели почти не давали кораблю скорости. Неуклюже, то носом, то бортом, валился он со склона волны, и казалось, что не будет конца этому падению. Достигнув подножия водяной горы, махина скрипучего парусника силою инерции все еще стремилась в глубину, черпала воду фальшбортом, набирала ее щелями разошедшейся обшивки, утыкалась бушпритом в накатившийся гребень. В это время упругая сила моря выталкивала корабельный корпус из водяной толщи, новая волна задирала «Надежде» нос, а очередной нажим бешеного норд-веста уваливал корабль под ветер и кренил до такой степени, что левый конец грота-рея вспарывал воду.

Свист воздуха в такелаже – тоскливый и более высокий, чем голос самого шторма, – надрывал душу.

Крузенштерн и второй лейтенант «Надежды», двадцатитрехлетний Петр Головачев, стояли у наветренного ограждения юта... Хотя едва ли можно сказать «стояли» о людях, которые мечутся вместе с растерзанным парусником среди стремительно вырастающих водяных холмов, скользят сапогами по мокрой палубе и то цепляются за планшир, то с маху ударяются спиной об упругий штормовой леер. И слепнут от хлестких ключев пены.

Впрочем, какая разница, слепнут или нет. Все равно мрак...

Нет, какие-то остатки света все же были заметны в кипящей смеси воды и ветра. То ли пробивался в случайный разрыв облаков луч звезды, то ли сами по себе пенные гребни давали сумрачное свечение. Ревущая темнота была испятнана, исчерчена смутными узорами этой пены.

«Надежда» опять стремительно пошла вниз, а впереди и справа Крузенштерн угадал громадную волну с двумя пятнами пены у гребня. Они мерцали, как белесые глаза.

«А и правда – чудовище», – мелькнула мысль. Раньше Крузенштерн усмехался, когда встречал у романистов сравнения волн с живыми страшилищами. Он бывал во многих штормах и знал, что волны – это волны и ничто другое. Сейчас же сравнение пришло само собой. И Крузенштерн понял, что это – страх.

«Надежда» снова легла на борт, и пошли секунды ожидания: встанет ли? Со стонами начала «Надежда» выпрямляться.

«Господи, никогда не было такого...»

Не помнил он подобного шторма, хотя обошел на разных кораблях полсвета. Ни у берегов Вест-Индии, ни в Бенгальском заливе, где крейсировал с англичанами на их фрегате, ни в китайских водах, известных своими тайфунами, не приводилось встречаться со столь неудержимой силой стихии...

Палуба опять покатила в глубину, шквал ударил в правый борт, оторвал от планшира Головачева, толкнул к бизань-мачте. Но через несколько секунд лейтенант снова оказался рядом.

«А ведь ему не в пример страшнее, чем мне, – подумал Крузенштерн. – Мальчишка... Хотя какой же мальчишка? Успел уже поплавать, побывать в кампаниях... Да и сам ты в двадцать три года считал ли себя мальчишкой? В скольких сражениях со шведами обстрелян был,

в Англию попал на учебу в числе лучших офицеров... Да, но сейчас иногда вдруг чувствуешь себя ребенком. При расставании в Кронштадте сдавило горло слезами, как в детские годы, когда увозили из Ревеля в корпус...»

Сорвало кожаный капюшон, Крузенштерн опять натянул его.

«...А Головачев? Что я про него знаю? Единственный, с кем не был знаком до плавания. Посоветовали, сказали: искусный и храбрый офицер... А и в самом деле, держится молодцом...»

– Петр Трофимыч, как на руле?! – крикнул Крузенштерн и подавился дождем.

У штурвала были различимы фигуры в штормовых накидках.

– На руле! Дёржитесь там?! – перекричал шторм лейтенант.

– Так точ... ваш-бла-родь! Держ... – долетело до него.

– Кто рулевые?! – отворачиваясь от ветра, крикнул Крузенштерн.

– Иван Курганов и... Григорьев... ваш-сок-бла-родь...

– Круче к ветру держите, ребята! Все время круче к ветру!

– Так точ... Держим, ваш... родь...

– Крепко привязаны?!

– Так точ...

Опять чудовищный этот крен со стоном рангоута и мучительным скрипом обшивки. Встанем ли? «Ну, вставай, «Надежда», вставай, голубушка... Да выпрямляйся же, черт тебя разнеси!»

Это надо же, как взбесились волны! И не где-нибудь в открытом океане, а в проливе, в Скагерраке, хоженном туда-сюда не единожды... В том-то и беда, что в проливе. Кто знает, где теперь берег? Стоит задеть камни – и пиши пропало. До чего же обидно – в самом начале плавания...

– Круче к ветру!

Да что могут сделать рулевые, когда хода у корабля нет, а вся ярость шторма лишь на то и нацелена, чтобы поставить «Надежду» бортом к ветру, к волне...

Какая-то фигура, цепляясь за леера, взобралась на ют.

– Кто?! – гаркнул Крузенштерн.

– Это граф Толстой! – отозвался Головачев.

Подпоручик гвардии Федор Толстой оказался рядом.

– Что вам здесь надо?! – Крузенштерну было не до любезностей.

– Наблюдаю разгул стихий, – отплевываясь, изъяснился подпоручик. – Любопытствую и удивляюсь себе, ибо ощутил в душе чувство, доселе неведомое. А именно – боязнь гибели. До сей поры был уверен, что в части страха обделен природою...

«Правда ли боится? – подумал Крузенштерн. – Или валяет дурака, а настоящей опасности не понимает?»

– Идите философствовать в каюту, граф! Здесь не место!

– Отчего же, капитан?!

– Оттого, что смоем в... – Крузенштерн не сдержал досады и назвал место, куда смоем бестолкового сухопутного подпоручика. Тот захохотал, кашляя от дождя и ветра. Неожиданно засмеялся и Головачев. И тут опять бортом поехали в тартарары, а сверху рухнул многопудовый пенный гребень.

Когда «Надежда» очередной раз выпрямилась и вскарабкалась на волну, Толстой выкрикнул:

– Кому суждено погибнуть от пули, тот не потонет!

– А вы знаете точно, что вам уготована такая судьба? – сквозь штормовой рев спросил Головачев.

– На войне ли, от противника ли у барьера, но знаю точно – от пули помру! На крайний случай – сам из пистолета в лоб! Не в постели же кончать дни свои офицеру гвардии!

– Завидна столь твердая определенность! – цепляясь за планшир, насмешливо крикнул Головачев.

– Кто же мешает и вам...

– На руле! Два шлага влево, чтобы ход взять! А как волна встанет, снова круто к ветру! – скомандовал Крузенштерн. – Так!.. Все, братцы, на ветер! Прямо руль!

– Разве же эта посудина слушает еще руля? – искренне удивился Толстой.

– Сие не посудина, а корабль Российского флота! – неожиданно взъярился Головачев. – И правда, шли бы в каюту, граф! А то и пуля не понадобится!

– А в каюте что? Та же вода! Хлещет во все щели!

«Коли выберемся благополучно и дойдем до Англии, сколько дней лишних потратим на новую конопатку», – подумал Крузенштерн. И впервые выругал в душе милого Юрочку Лисянского за то, что не сумел он за границей купить корабли поновее.

Кстати, где он сейчас, Лисянский? «Нева» исчезла за дождем и волнами при первых же шквалах, и теперь лишь гадать можно о ее судьбе... Ну, да если мы пока держимся, Бог даст, и она выстоит. Не случилось бы только самого худого: вдруг вырастет над волною силуэт корабля, кинется навстречу...

Экие мысли в голову лезут! Лисянский не новичок, не повернет судно по ветру. А все-таки...

– На руле! Смотреть вперед сколько можно!..

– Есть, ваш... родь! Сколько можно, смотрим!..

Это Курганов. Отличный матрос, хотя, по мнению некоторых, языкаст не в меру. Вот и сейчас проскочила насмешка: смотрим, мол, приказ выполняем, да только чего тут рассмотришь-то?

Ну и ладно. Ежели есть в человеке еще сила для насмешек, значит, держится человек...

Толстой крикнул опять:

– Здесь хотя бы на воле, а в каюте совсем тошно! Страхи спутников моих и стенания, кои слышатся там, усугубляют душевное расстройство!..

– По-моему, для борьбы с душевным расстройством вы излишне долго беседовали с бутылкою, – догадался Крузенштерн. – Только, ради Бога, без обид, граф! Драться с вами на дуэли я все равно не имею возможности!

...Сумрак стал жиже, появились первые признаки пасмурного рассвета. На ют поднялись Ратманов и Ромберг.

– Иван Федорович, обшивка местами расходится, в трюме может случиться течь, – сказал Ратманов.

– Все может быть, если скоро ветер не ослабнет.

– Идите отдохните, Иван Федорович. И вы, Петр Трофимович. Мы заступаем.

Крузенштерн спустился в каюту. Под бимсом – выгнутой потолочной балкой – мотался масляный фонарь. Воды было по щиколотку, она ходила от стенки к стенке. Фонарь раскидывал по ней желтые зигзаги. Плавала разбухшая книга.

Постель промокла. Крузенштерн повалился на койку, не снимая плаща. Качка сразу сделалась мягче, взяла его в большие темные ладони, вой ветра и плеск за бортами приутихли... И казалось, прошла минута, но, когда вестовой растолкал капитана, за стеклами свистело уже серое утро.

– Ваше высокоблагородие, их благородие Макар Иваныч просят вас наверх.

Качало так же. Свет давал теперь возможность видеть взбесившееся море. Дождя почти не стало, и, когда корабль подымало на гребень, был виден взлохмаченный горизонт.

– Иван Федорович! – крикнул Ратманов. – Не убрать ли стакселя? Они не столько дают нам движение вперед, сколько способствуют дрейфу! Слева вот-вот покажется берег.

– Подождем еще, Макар Иванович! Без стакселей мы совсем будем неуправляемы!

Но в четыре часа пополудни, когда слева открылся берег Ютландии, Крузенштерн приказал убрать штормовые стакселя и намертво закрепить руль. Шторм перестал двигать корабль к опасной суше, но зато «Надежда» совсем потеряла способность к маневру. К счастью, буря стала стихать.

К ночи ветер стал ровнее. Но дул он по-прежнему между вестом и вест-норд-вестом и не давал выйти из Скагеррака, хотя снова поставили стакселя, а также бизань и фор-марсель.

Лишь через сутки неустанной лавировки моряки увидели Дернеус – южный мыс Норвегии. К вечеру ветер стал тише, и тогда через северную половину потемневшего неба перекинулась дуга полярного сияния. Под нею, словно опоры великанского моста, поднялись облачные темные столбы.

Корабль все еще кидало на неуспокоенной после шторма зыби. Матросы замороженно и со страхом смотрели на светлую арку небесного моста. Вздыхали:

– Не к добру...

Не терявший веселости Иван Курганов пробовал пошутить:

– Этим мостиком, братцы, прямехонько в царствие небесное...

Шутку на сей раз приняли без одобрения.

Офицеры и ученые тоже считали, что необычное явление может быть предвестником нового шторма. Но, к счастью, дурные предположения не оправдались. Двадцатого сентября дул сильный, но попутный ветер, затем, когда вышли на Доггер-банку, наступил короткий штиль. Матросы приводили корабль в порядок. Несколько человек, зная рыбную славу здешнего места, закинули сеть, но без успеха. Крузенштерн с учеными испытывал новый прибор – Гельсову машину – для определения разницы температуры воды на поверхности и в глубине.

Пассажиры приходили в себя. Появился наконец за обеденным столом бледный и молчаливый Резанов. Он смотрел с укором, словно в недавнем шторме виноват был капитан «Надежды».

Несколько раз Крузенштерн с тревогой и досадой навещал в гардемаринской каюте кадета морского корпуса Бистрема, своего племянника. Измученный непрерывной морской болезнью, племянник не помышлял уже ни о плавании, ни о флотской службе вообще. К счастью, повстречался английский фрегат «Виргиния». Командиром его оказался капитан Бересдорф, знакомый Крузенштерну по службе в английском флоте. Он взялся доставить кадета Бистрема в Лондон, чтобы тот мог вернуться в Россию. Отправились в Лондон на «Виргинии» также астроном Горнер, чтобы купить недостающие инструменты, и его превосходительство камергер Резанов с майором Фридрицием – для обозрения английской столицы. Вернуться на борт «Надежды» обещали в Фальмуте, где корабль должен был чиниться после шторма.

27 сентября «Надежда» благополучно пришла в Фальмут, где и встретилась с «Невою».

Погода сделалась хорошая, но люди еще жили воспоминаниями шторма. Кое-кто из пассажиров говорил между собою:

– Если такое было у берегов Европы, что нас ждет в океане?

Фальмут был последним портом перед выходом в открытый океан. Все писали письма, чтобы с попутными кораблями отправить домой. Ученые делали записи в журналах наблюдений.

Писал свой «Журнал путешествия россиян вокруг света» и главный комиссионер Российско-Американской компании, верный помощник Резанова купец Федор Шемелин.

Шемелина определили на жительство в констапельскую – глубокую кормовую каюту, где хранилось артиллерийское имущество. Свет сюда не проникал, днем и ночью приходилось жечь свечу в фонаре, да и та горела слабо в спертом воздухе.

При желтом дрожании огня Шемелин описывал шторм. Сообщал будущим читателям, что люди, оказавшись в той буре, вели себя по-разному: одни проявили неустрашимость, другие – малодушие. «Последних боязнь, – писал Федор Иванович, – простиралась до того, что с каждым наклоном судна набок представлялось им, что они погружаются уже на дно морское. Каждый удар волны об корабль считали они последним разрушением оно́го и прощались со светом. Те, которые являли себя храбрее на берегу, показали себя на море всех трусливее и малодушнее».

О ком именно идет речь, в «Журнале», напечатанном в 1816 году, не сказано. И мы не станем строить догадок, дело прошлое. Но стоит запомнить мысль Шемелина, что настоящая смелость проявляется именно в суровые часы, а пустая важность и надутая храбрость при виде опасности слетают с человека шелухой.

Впрочем, ни один офицер, ни один матрос робости во время шторма не проявили, каждый службу свою нес честно и умело...»

Курганов закрыл папку и опять глянул на Толика: вопросительно и виновато.

– Здорово, – сказал Толик. – Даже страшно, когда про крен: встанет ли?.. Вот интересно: знаешь, что ничего с ними не случится, а все равно страшно. Будто сам на палубе... – Толик пошевелил плечами. – Будто даже брызги за шиворот...

– Да? – Курганов стремительно встал, шагнул к Толику, взял его большущими ладонями за плечи (Султан стрелками поставил уши и напряжился). – Ох, спасибо тебе... Прямо бальзам на мою грешную душу.

Толик глянул в высоту – в счастливое (и даже немного красивое) лицо Курганова.

– Арсений Викторович, а какая это будет книга? Детская или взрослая?

– Что?.. – Курганов опустил руки. – Я как-то не задумывался. Хочется, чтобы всем интересно было.

– Так, наверно, и будет, – успокоил Толик.

Опять наступило молчание. И, услышав снова медный стук шестеренок, Толик спохватился:

– Ой, а который час?

Курганов поднял на животе обвисший свитер, вытянул из кармашка у пояса большие часы на цепочке.

– Почти девять...

– Мама, наверно, скоро придет домой...

– Бессовестный я человек, задержал тебя.

– Да все в порядке, мы за пять минут домчимся!.. Ой... – Толик засопел и неловко затоптался. – Арсений Викторович, мама просила... если вы, конечно, можете... Может, у вас есть сегодня деньги за перепечатку?

Курганов хлопнул себя по лысому лбу.

– Ну, растяпа я! Ну, субъект! Сейчас, сейчас. Конечно...

Из кармана галифе он извлек потрепанный бумажник.

– Вот, пожалуйста... Ах ты, неприятность какая, десяти рублей не хватает. Как неудобно...

Он сделался виноватый, ну прямо как первоклассник перед завучем. Толик решительно сказал:

– Арсений Викторович, если у вас последние, то не надо.

– Ну что ты, что ты! Я завтра утром получу! И сразу эти десять рублей занесу. Я знаю, где вы живете, однажды заходил. Ты извинись за меня перед Людмилой Трофимовной...

– Да пустяки, – сказал Толик.

– Нет-нет, я завтра же... А эти деньги спрячь, не вытряхни по дороге.

– Не вытряхну. – Толик расстегнул курточку. Это была тесная, еще со второго класса, курточка с потайным карманом – его пришила мама для денег и хлебных карточек, когда Толику приходилось стоять в очередях.

У горящего камина

Толик проснулся так поздно, что на замороженных окнах уже сияли солнечные искры. Потрескивала печка. Стучала машинка: значит, мама в редакцию не пошла, работает дома.

Не оглядываясь, мама сказала:

– Не вздумай читать в постели. Брысь одеваться.

– Есть, товарищ капитан! – Толик кувыркнулся из-под одеяла на половику и сел потурецки, любуясь елкой...

В эту минуту краснощекая тетка в полушубке принесла телеграмму. И хорошее утро испортилось. Варя сообщала, что приедет лишь первого числа, потому что перед самым Новым годом у нее зачет. И, конечно, что она «поздравляет и целует».

– Целует она, – сумрачно сказал Толик. – Лучше бы зачеты сдавала пораньше...

У мамы тоже упало настроение. Она добавила, что дело, скорее всего, не в зачете. Просто распрекрасной Варваре хочется встретить Новый год в компании однокурсников.

– Конечно, – поддержал Толик. – Там у нее кавалеры со всех сторон. Выбирай какого хочешь жениха.

– Анатолий...

– А чего? Вот подожди, сама увидишь...

Мама взяла себя в руки и сообщила Толику, что он говорит глупости. У Вари действительно важный зачет, это надо понимать. Завтра она приедет, и все будет хорошо и весело. А сегодня, что поделаешь, посидят в новогоднюю ночь вдвоем. Немножко поскучать – это тоже полезно.

Толик осторожно спросил:

– А может быть, Дмитрий Иванович все-таки придет?

– Что ему у нас делать? Я же говорила: он встречает Новый год со знакомыми на работе.

У них большая компания.

Толику стало обидно за маму.

– Между прочим, мог бы и тебя пригласить.

– Между прочим, он приглашал...

– Ну и... что? – упавшим голосом спросил Толик.

Мама хлопнула его по носу свернутой телеграммой.

– Дурень. Куда же я из дома? Тем более мы думали, что Варя приедет.

– Но теперь-то знаешь, что не приедет, – пробормотал Толик. Он ужасно не хотел, чтобы мама уходила, но совесть требовала поступать так, чтобы маме было лучше.

– А тебя-то я куда дену?

– Я что, грудной? Посижу у елки, книжку почитаю. По радио концерт будет интересный...

К Эльзе Георгиевне схожу...

– Очень ты там нужен...

– А потом спать лягу, – сдерживая скорбь, сказал Толик.

– Нет уж, мне там все равно праздника не будет, я изведусь: как ты один? Небось еще елку запалишь...

Толик прикинул: достаточно ли он поугovarивал маму? Совесть подсказывала, что надо бы продолжить разговор, а здравый смысл предупреждал: так можно и палку перегнуть – мама, чего доброго, возьмет да и поддастся уговорам.

Она посмотрела на Толика и засмеялась:

– Твои терзания у тебя на физиономии напечатаны крупными буквами. Не бойся, никуда я не пойду...

Толик засопел от стыда и облегчения и хотел пробурчать что-нибудь возмущенно-оправдательное. И в этот момент, к счастью, пришел Курганов.

Мама встретила его в коридоре и привела в комнату. Сейчас Курганов показался Толику еще более высоким и худым, чем вчера. Он был в старом, очень длинном демисезонном пальто, из-под которого торчали растоптанные валенки. меховая шапка тоже была старая, потертая до лысой кожи. Шею обматывал в несколько витков красный порванный шарф.

Покашливая, Арсений Викторович объяснил, что вот такая вчера получилась досада и он очень просит извинить, что не смог расплатиться сразу. А сейчас вот, пожалуйста...

Мама сказала, что не стоило волноваться из-за пустяка. Но все равно она рада, что Арсений Викторович зашел. Пусть он раздевается, сейчас они будут пить чай... Ох, только, пожалуйста, никаких отговорок. Раз уж пришли, будьте добры подчиняться хозяйке. Пусть Толик отнесет на вешалку пальто Арсения Викторовича...

Когда Толик вернулся в комнату, Арсений Викторович сидел у стола и трепал по ушам Султана. Мама весело звякала чашками и блюдами.

Курганов неловко повозился на стуле, поводил голубыми своими глазками по елке – от пола до макушки – и сказал стеснительно:

– Да, елка у вас... Хоть во дворец такую...

– Толик постарался. Как он, бедный, ее только дотащил...

– Очень просто дотащил, – бодро сказал Толик.

Курганов на секунду прикрыл глаза, улыбнулся уголком рта.

– Запах. Детство вспоминается. Всегда, если елкой пахнет, детство вспоминается.

– Это, наверно, хорошо... – заметила мама.

– Это хорошо, – серьезно отозвался Курганов. – Без этого нельзя. – Он опять нагнулся и стал гладить Султана.

– А у вас будет елка? – спросил Толик. Мама взглянула на него укоризненно. Однако Курганов не удивился вопросу.

– Где уж мне с елкой возиться. У меня и украшений нет... Правда, две веточки поставил в графин, для запаха. Чтобы повеселее было, когда Новый год наступит... Да еще камин, пожалуй, затоплю для настроения. Толик вчера видел, какой у меня камин. Памятник эпохи...

– Как в сказке, – сказал Толик.

– Вы что же, в одиночестве Новый год встречаете? – с вежливым сочувствием спросила мама.

– А мне не привыкать... Думал было съездить к дочери в Ленинград, да отпуск не дают. Она ко мне тоже не может, обстоятельства всякие...

– Я и не знала, что у вас дочь...

– Да. Взрослая... Жена умерла в эвакуации, а дочь вернулась в Ленинград, замужем теперь.

«А вы почему не в Ленинграде живете?» – чуть не соскочило с языка у Толика, но мама вовремя посмотрела на него. Да он и сам сообразил: мало ли какие бывают причины, нечего соваться. Но уже вырвались слова: «А вы...» И, чтобы как-то закончить фразу, Толик бухнул:

– А вы... приходите к нам Новый год встречать.

Толик тут же испуганно взглянул на маму. Она, кажется, растерялась, но почти сразу сказала:

– А в самом деле... Арсений Викторович, это мысль! Мы с Толиком вдвоем остались, тоже скучать собираемся. Дочь не приехала, застряла в институте... Посидим, свечи зажжем на елке, будет очень уютно...

Курганов помолчал и ответил, не поднимая головы:

– Спасибо вам огромное... Только, знаете, я уж лучше дома. Неподходящий я для праздничных компаний человек, привык все больше сам с собой.

– Ну как же так! – Мама, кажется, искренне огорчилась. – В праздник можно посидеть и... как говорится, в кругу.

– Можно, конечно... – Курганов опять повозился на скрипнувшем стуле, осторожно придвинул к себе блюдо с чашкой. – Можно... Да только кругу от такого гостя, как я, всегда одно уныние. Знаете, Людмила Трофимовна, за всю жизнь не научился поддерживать застольные беседы. Очень бывает неудобно... – Он полусутоливо развел большими ладонями, зацепил на краю стола сахарницу, сконфузился и заболтал в чае ложечкой.

– Жаль, – вздохнула мама. – Жаль, что вы не поддаетесь уговорам.

Толик чувствовал себя виноватым за весь этот нескладный разговор. Чтобы загладить перед мамой оплошность, он сказал:

– Я маму уговаривал идти встречать Новый год со знакомыми, а она боится меня оставить. Будто мне три года.

– Да не боюсь я, – серьезно возразила мама. – Просто нехорошо это: собственного сына бросать в праздник...

Курганов задержал у губ чашку, глянул на маму, на Толика. Прихлебнул. Потом торопливо допил чай и заговорил, неловко усмехаясь:

– Вы уж не обижайтесь, Людмила Трофимовна, человек я для застольных бесед в самом деле неприспособленный. А вот с Толиком вчера разговорились. Общая тема нашлась...

– Мы о Крузенштерне... – ввернул Толик.

– Да, это у меня давнее... Я вот подумал... Чтобы никто не скучал в праздник... Вы только не считите мое предложение за странность. Если, конечно, Толик согласится... Вы бы пошли в гости, а Толик ко мне. Чтобы вы не волновались, а Толик один не грустил. Мы бы с ним продолжили вчерашнюю беседу...

– Ой... ура, – шепотом сказал Толик.

Удивительно, что мама согласилась. Причем гораздо скорее, чем ожидал Толик. Много времени спустя, когда Толик вспоминал эти дни, он сообразил, что маме очень надо было в ту ночь оказаться там, в гостях. Где Дмитрий Иванович. Что-то складывалось (или, наоборот, не складывалось) у нее в отношениях с этим человеком. Но в то утро Толик подумал об этом лишь мельком и без тревоги. Для беспокойства не было причин: Дмитрий Иванович такой хороший человек...

И Арсений Викторович хороший: как он все придумал!

Конечно, мама сначала сказала, что это неудобно. Чего ради Арсений Викторович должен брать на себя такие заботы.

А он, смущенно кашляя, возразил, что забот никаких. И что он зовет Толика «главным образом из чисто корыстных соображений». Толик такой внимательный слушатель, а ему, Арсению Викторовичу, очень хочется почитать кое-что из своей рукописи. Так что это, наоборот, Людмила Трофимовна и Толик сделают ему одолжение... И пусть Людмила Трофимовна не волнуется, у него прекрасная кровать, Толику на ней будет удобно. А сам Арсений Викторович уляжется на стульях, ему не привыкать.

– Ну уж это ни в коем случае, – сказала мама. – На стульях прекрасно устроится Толик.

Толик и подумать не мог, что подкатят эти слезы...

Сначала все было замечательно.

Комната Курганова оказалась прибрана, в ней пахло елкой. Ветки в графине были не просто ветки, а густые лапы, и на них даже блестели три зеркальных шарика. У камина лежали березовые дрова. Арсений Викторович обрадовался Толику, помог раздеться, удивился и смутился, что мама дала ему с собой большой кулек замороженных пельменей, и пошел ставить для них на плитке воду (когда-то закипит!).

Султан по-хозяйски растянулся на шкуре.

Толик сел у стола с еловыми ветками.

Наступила какая-то непонятная минута. Опять стучали невидимые часы. У Курганова «не контактила» плитка, и он смущенно чертыхался вполголоса. Свежие хвойные лапы пахли очень сильно, и Толик вспомнил *свою* елку. И подумалось: «А почему все *так?*» Он здесь, в чужом, почти незнакомом доме, а елка, с которой он столько мучился и радовался, стоит, никому не нужная, в пустой темной комнате... А мама... она где-то с другими людьми... Нелепость какая-то! Почему они с мамой в этот праздник не дома?

Конечно, сам хотел. Обрадовался, когда Арсений Викторович предложил. Ждал с нетерпением вечера. Весело попрощался с мамой, бодро примчался на лыжах сюда... И вот...

Хорошо, что хоть Султашка рядом.

Толик присел возле Султана на корточки, начал гладить его, крупным глотком загнал внутрь слезы.

– Все! – сказал Курганов. – Включилась, окаянная... Толик...

Ответить бы что-нибудь, но в горле будто пробка деревянная.

Курганов подошел, постоял над Толиком. Опустился рядом.

– Взгрустнулось, что ли? – тихо спросил он. – Это бывает, не стесняйся... Я помню, было мне тоже лет одиннадцать, и на рождественские каникулы приехал я на дачу к товарищу. Под Лугу... Все елку наряжают, радуются, а мне вдруг дом вспомнился... Убежал я на кухню, спрятался в углу... А ты не грусти, Толик, ночь-то проскочит незаметно. Завтра прибежишь домой, все будет в порядке... А?

Стыд – хороший тормоз для слез. У Толика затеплели уши, а пробка в горле почти растворилась. Он опять глотнул.

Курганов положил ему руку на плечо.

– Это ведь само по себе праздник, что дом твой рядом и что завтра ты в нем обязательно окажешься. И елка там, и родные люди... Мне приходилось Новый год встречать, когда до дома тыщи верст и неизвестно, когда попадешь в него. И люди кругом... такие, что лучше бы никого. Вот это тоска... Крузенштерн тогда только и спасал.

Толик посопел и спросил сипловато:

– Вы сегодня про него почитаете?

– Договорились же! Про него и про других... А сперва кое о чем расскажу, чтобы тебе все понятно было...

– А камин разожжем?

– В первую очередь!

Камин разгорелся быстро. Дрова застреляли, пламя рванулось к дымоходу, высветило чугунное нутро.

– Ну вот, а теперь сядем, – сказал Курганов.

Толик поставил стул боком к огню, сел верхом, как в прошлый раз. Султан примостился у ног.

– А я так, на дровишках. Мне это привычнее... – Арсений Викторович устроился на поленьях напротив Толика, по-мальчишечьи обнял колени. Помолчал. Свет падал на его лицо сбоку, яркие зайчики дрожали на затылке. Глаза в тени глубоких впадин казались теперь большими и почти черными.

Толик с вежливым нетерпением качнул ногой. Курганов потер большим пальцем рубчик на уголке рта и попросил:

– Если я очень разговариваю, ты меня останавливай. А то я могу на эту тему до бесконечности... Значит, о Российско-Американской компании ты уже читал?

– Ага... В той книжке. Но там немного.

– Много и не надо, главное, чтобы ясно было, с чего началось... Основал эту компанию Григорий Иванович Шелехов с товарищами, давно еще, в восемьдесят первом году позапрошлого века. Человек он был энергичный, умный. И мореплаватель, и торговец, и промысловик. Добывали русские люди пушнину на побережье Аляски, на Алеутских островах, а главным образом на большом острове Кадьяке. Там и главное поселение было. Возили добычу через океан, в Петропавловск на Камчатке, а оттуда в Китай, на продажу.

Трудное это было дело, опытных моряков не хватало, суда тамошней постройки были неважные, гибло их немало... Да и вообще промышленным людям жилось там не сладко. Все товары и продукты, всякую мелочь приходилось через всю глухую Сибирь везти на лошадях до Охотска, а оттуда уж морем на Камчатку и в Американские поселения.

Толик кивнул. Все это он уже знал.

– А Крузенштерн решил доказать, что на кораблях прямо из России, через океаны, легче, да?

– Именно... Он ведь был к тому времени опытный мореплаватель, хотя исполнилось ему едва тридцать лет. Успел он отличиться во многих сражениях, потом служил у англичан: был, по-нашему выражаясь, на длительной практике за границей... Там тоже пришлось повоевать, с французами. Побывал он в Америке, в Африке, в Индии, а потом добрался до Китая. Все ему было интересно: как люди живут в дальних странах, какие у других народов корабли и моряки, как торговля идет. И все время он думал: почему же русские суда в большие плавания не ходят? Разве наши матросы и капитаны хуже других? И почему в России должны люди втридорога платить за товары, которые привозят иностранцы? Разве не можем сами мы вести морскую торговлю?

...И вот, когда Крузенштерн возвращался из Китая в Европу на корабле «Бомбей Кастль» (а было это в тысяча семьсот девяносто девятом году), составил он свой проект кругосветного плавания. Первая часть была о торговле. О том, что российские корабли могут везти нужные товары на русские промыслы в Тихом океане, забирать там пушнину, выгодно продавать ее в китайском городе Кантоне, а там нагружаться товарами, которые нужны в России и Европе. Такие же товары можно было закупать по пути через Индийский океан: в Батавии, в Калькутте...

Но это еще не весь проект. Мне кажется, Крузенштерн считал торговые дела не самыми главными. Просто этой важной причиной он старался убедить начальство в пользе кругосветного плавания. О таком плавании Крузенштерн мечтал с детства. Он ведь был, как говорится, моряк до мозга костей. Человек, самой природой предназначенный для путешествий, для открытий, для изучения всяких морских тайн, а их тогда было видимо-невидимо еще... Можно сказать, вся наша Земля тайнами дышала...

И вот писал Крузенштерн, что русский флот должен стать таким же славным и знаменитым в искусстве дальних плаваний, как самый лучший тогда – английский. И что не должны российские моряки уступать иноземцам в географических открытиях...

Ну, как ты помнишь, сперва этот проект не одобрили. Или просто-напросто затеряли среди канцелярских бумаг.

Крузенштерн разозлился на царских бюрократов и ушел в долгий отпуск, уехал в свою деревню под Таллин (тогда он назывался Ревель). Подумывал уже совсем уйти из флота...

– Как это? А говорите – «моряк до мозга костей».

– Да, он и был таким. Я ведь сказал уже, сколько он морей и стран повидал к тридцати годам... Но тут он решил: раз дальше не получается, нечего зря морской мундир носить. После всего, что было, не плавать же в Маркизовой луже (так Финский залив прозвали). Вот и подумал: займусь хозяйством или буду учителем географии в той школе, где когда-то сам учился...

Надо сказать, что ребяташек Иван Федорович любил и, видимо, к учительскому делу чувствовал какую-то тягу. Недаром стал потом заведовать Морским корпусом...

Но это потом, спустя много лет. А пока жил он в глуши, и вдруг примчался к нему фельдьегерь: «Вас вызывает адмирал Мордвинов, новый морской министр...»

Прибыл Крузенштерн к министру и слышит: «Господин капитан-лейтенант, ваш проект наконец рассмотрен и принят. Готовьтесь стать во главе экспедиции».

– Вот обрадовался-то! – воскликнул Толик.

– А вот и нисколько... – вздохнул Курганов.

– Почему?

– Потому что все хорошо в свое время... У Нозикова про это, кажется, не написано... Крузенштерн тогда только женился, жена ребенка ждала... Легко ли уезжать в такую пору?

– Но все равно... Он же моряк, – тихо сказал Толик.

– Да. Но ты пойми его... Ты вот на одну ночь из дома ушел, да и то загрустил. А ему-то на три года... А ведь тогда плавания были не те, что сейчас. В наше время где бы ни был корабль, он по радио может связаться с родным портом. А тогда что... Письма шли иногда по полгода, со случайными кораблями или по суше через половину земного шара. Плынешь и думаешь: «А как дома? Нет ли беды какой? Живы ли?...» Знаешь, Толик, не бывает хуже пытки, когда ты далеко от родных, а писем нет и нет.

Толику почему-то стало неловко, и он проговорил поскорее:

– Но ведь Крузенштерн согласился.

– Да, потому что Мордвинов сказал: иначе не будет плавания совсем. Разве мог Крузенштерн это допустить? Ну и... правильно ты говоришь, он был моряк. Как представились ему снова паруса и океан, оказалось, что это сильнее.

Но еще год ушел на подготовку экспедиции. И только седьмого августа тысяча восемьсот третьего года «Надежда» и «Нева» покинули Кронштадтскую гавань...

– Седьмого августа – это по старому стилю? – с пониманием спросил Толик.

– Да нет, по новому... Крузенштерн при описании путешествия использовал в датах стиль, принятый в Европе. Так называемый «грегорианский». То есть тот, который у нас ввели только после революции... В девятнадцатом веке наши числа отставали от европейских на двенадцать суток. Крузенштерн делал астрономические вычисления по английским и французским таблицам и не хотел путаницы...

– Вот и хорошо! Сейчас не надо делать поправки, когда его читаешь, да?

– Да... Скоро корабли пришли в Копенгаген, потом направились в Англию. Какой шторм прихватил корабли в Скагерраке, я тебе вчера читал.

– Да. И про то, как в Фальмут пришли.

– А после Фальмута вышли наши моряки в открытый океан... Потом была стоянка у острова Тенериф. Я про нее лишь мельком упоминаю, об этом и так много написано. А вот про то, как наши корабли перешли экватор, я целую главу сочинил... Может, я почитаю теперь, а? Послушаешь?

Экватор

«День двадцать шестого ноября по новому стилю начался ясно, без большой на сей раз жары и при ровном ветре от румбов между зюйдом и зюйд-остом. Обрасопив реи на левый галс, «Надежда» шла, держась к юго-западу. На полмили впереди, высвеченная невысоким еще солнцем, тем же курсом и с той же, около четырех узлов, скоростью скользила «Нева».

Было рассчитано, что в начале одиннадцатого корабли перейдут экватор – равноденственную черту земного шара, которую не пересекало еще ни одно российское судно.

В ожидании знаменательного момента офицеры в парадных мундирах и ученые в праздничном платье вышли на шканцы и стояли группами. Не было пока лишь Резанова. Крузенштерн, астроном Горнер и штурман Филипп Каменщиков, стоя у левого фальшборта, брали высоту солнца. Оно белыми вспышками зажигалось на серебряных лимбах дорогих английских секстанов.

– Охота же десятый раз пересчитывать, – проворчал, глядя на них, лейтенант Ратманов. – И так все ясно по счислению...

Мичман Фаддей Беллинсгаузен сказал со строгой ноткой:

– Течения здешние мешают правильному счислению, а Иван Федорович хочет торжественную минуту определить со всевозможной точностью.

– Минута, она, конечно, торжественная, – не оставил прежнего тона Ратманов, – да уж скорее бы, а то при таком параде и свариться недолго. – Он пальцем оттянул край стоячего под самые уши, расшитого якорями воротника. – Слава Богу еще, что нет вчерашней жары...

– Однако и прохлады особой нет. – Лейтенант Ромберг тоже тронул воротник. – Обратите внимание, господа, какое теплое у ветра касание. – Он поднял над плечом ладонь.

Беллинсгаузен засмеялся:

– Право же, мы сегодня как дамы в санкт-петербургском салоне: всю разговорились о погоде.

– В море погода – не для светской беседы тема, а наиважнейший предмет, – возразил слегка запальчиво Отто Коцебу, который с братом Морицем был в компании офицеров. И смешался, покраснел под насмешливо-добродушным взглядом Ратманова.

– Уж коли сухопутные кадеты начали понимать морские истины, то и впрямь, значит, наше плавание несет великую пользу, – пряча усмешку, сказал Макар Иванович. – А вот когда окрестят наши матросы господ Коцебу по всем Нептуновым правилам, тогда и совсем моряками станете... – Он кивнул на матросов, которые между фоки грот-мачтами наливали ведрами морскую воду в сооруженную из парусинового тента купальню.

Вода в купальне тяжело колыхалась, распирая брезентовые борта самодельного бассейна. Корабль мягко приподнимали пологие волны. Люди, уже привыкшие к плаванью, не замечали их и лишь иногда, если палуба особенно быстро уходила вниз, покачнувшись, искали опоры.

Так покачнулся и взялся за косяк в двери каюты действительный камергер и чрезвычайный посланник его императорского величества Николай Петрович Резанов.

Ласково пощурившись на солнце, Резанов подошел к другой группе, составляли которую люди его свиты: майор Фридриций, надворный советник Фосс, доктор Бринкин, живописец из Академии художеств Курляндцев и главный приказчик Шемелин, который, впрочем, держался в стороне. Здесь же был и гвардейский подпоручик Федор Толстой. Он до недавнего времени больше льнул к дружной компании морских офицеров, но после шумной ссоры с лейтенантом Левенштерном, за которого вступились и другие, вот уже несколько дней не подходил к ним.

По дороге Резанов учтиво кивнул офицерам, которые, щелкнув каблуками, наклонили головы. Когда же отошел он, Ратманов сказал с досадливым зевком:

– Шелковая кукла.

Было в Резанове, невысоком и щуплом, что-то от кавалера екатерининских времен – недавних, но уже отошедших в прошлое. Паричок с буклями над ушами, камергерский мундир, похожий на камзол, шелковые чулки, маленькая придворная шпага со старинной, в хитрых завитках рукоятью. И некоторая плавность и приторность в разговорах, раздражавшая флотских офицеров, воспитанных в суровых правилах Морского корпуса. Салонная манера эта не оставляла Николая Петровича даже во время споров.

Впрочем, споры пока не выходили за рамки светских приличий, хотя начались они давно, еще в Кронштадте. Тогда Крузенштерн взялся за голову, узнав, сколько помещений требуется свите посланника и сколько посольского и компанейского груза сверх расчета надобно уместить в трюмах. О чем думали раньше в дирекции компании, в министерстве и при дворе?

Крупная размолвка случилась и в Копенгагене, когда заново перегружали корабль. Резанов хотя и ласковым голосом, но с полным ощущением власти попытался излагать свои требования.

– Ваше превосходительство, – ответил тогда Крузенштерн. – Взятая нами гамбургская солонина, как сообщает мне в письме тамошний консул, приготовлена прескверно. Выгрузить бочки и пересолить ее – единственное средство. В противном случае неминуема цинга, и одному Богу ведомо, сколько наших служителей недосчитаемся мы тогда в долгом нашем плавании. Достаточно нам прискорбного случая на «Неве», когда по недосмотру корабль лишился прекрасного матроса...

Резанов развел руками и поднял к потолку каюты глаза, давая понять, что на все воля Божия.

Крузенштерн сухо продолжал:

– Как командир, я считаю своим долгом неизменную заботу о матросах, с тем чтобы каждый из них вернулся в отечество живым и здоровым.

Резанов сказал:

– Мы все, выполняя высочайшую волю, отправились в сие опасное предприятие и не можем теперь знать, вернемся ли. Во славу государя императора и России мы обратили себя на риск равно с рядовыми служителями. Я же замечаю, господин капитан, что о матросах печетесь вы не в пример больше, чем о других участниках экспедиции.

– Это потому, что матросы судьбою и званием своим поставлены в полное нам подчинение. Можем ли мы пользоваться недостатком их прав и забывать о тех, о ком заботиться – наша первая задача?

– Первая задача наша, – напомнил Резанов, – неукоснительное исполнение всех миссий, определенных волею его императорского величества.

– Миссии эти завершить успешно без матросов мы не в состоянии. От них зависит исход экспедиции, – отрезал Крузенштерн. И не сдержал раздражения: – Одно дело ваш повар, коего тяжело больным сочли вы нужным взять в плавание и чья неминуемая кончина ляжет только на вашу совесть. Другое дело – матросы, за которых отвечаю я, равно как и за корабли, мне доверенные. Посему, ваше превосходительство, во всех делах, связанных с плаванием, считаю себя единственным командиром...

Первый лейтенант «Надежды», испытанный моряк и кавалер боевого ордена Ратманов, поддерживал капитана во всех спорах. Он бывал даже круче Крузенштерна, таков уж характер Макара Ивановича. И от других офицеров Ратманов суждений своих не скрывал. Вот и сейчас, на шканцах, продолжил он разговор:

– Да и не в том беда, что кукла он, а в том, что при пудренных своих мозгах лезет в морские дела. Здесь не императорский двор и не компанейские торга...

Лейтенант Головачев до того времени в разговоре не участвовал. Стоя у планшира, смотрел, как серебристыми веретенцами прокалывают воздух летучие рыбы. Сейчас он обернулся:

– Право же, Макар Иванович, непонятно, отчего вы так невзлюбили Николая Петровича. Мысли его не всегда совпадают с нашими, да не значит же это, что он дурной человек.

– Для своих друзей придворных, может, он и хорош.

– Да не столь уж он и придворный, и звание камергерское получил недавно. Николай Петрович просвещенный человек, недаром же служил в секретарях у знаменитого нашего стихотворца Державина. Говорят, что был знаком и с Радищевым, который чуть не лишился головы за свою книгу о непосильном рабстве крестьян...

– Знаком-то знаком, да только где сейчас Радищев, а где Резанов. Радищева камергером не жаловали...

– Ну и Николай Петрович камергерство свое не в петербургских палатах проживает, – слегка раскрасневшись, возразил Головачев. – С нами идет вокруг света. А каково ему? Жену похоронил недавно, тоскует. И о детях оставленных тревожится.

Ратманов, однако, не сдался:

– О жене, коли ее нет уже, не все ли равно где тосковать? – грубовато усмехнулся он. – Что на берегу, что в океане... А о детях обещана ему государем великая забота...

– Капитану нашему тоже несладко, – вмешался мичман Беллинсгаузен. – От молодой жены ушел в море, от сына, который только что родился. Легко ли? Небось ночей не спит...

– Да полно, господа, – сказал лейтенант Ромберг. – Что бы ни случилось, государь не оставит наших близких.

– Это уж точно, – усмехнулся Ратманов. – За государем мы как за каменной стеною...

Все неловко замолчали: слова были вроде и правильные, а вот усмешка Макара Ивановича...

– А что это, господа, мы о всяческой суете беседуем! – излишне громко воскликнул Беллинсгаузен. И добавил уже искренне: – О том ли надо думать, когда близится такая минута! Ведь экватор же! Мыслимо ли?

– А и в самом деле, черт подери! – весело согласился Ратманов. – Сколько ни плавал в жизни, а не чаял быть при таком деле. Российские корабли первый раз вступают в другое полушарие Земли! А?

– Да скоро ли уж? – нетерпеливо сказал Отто Коцебу.

В то же время шла беседа и в группе, где стоял Резанов. Глядя на матросов, что возились с парусиновым бассейном, майор Фридриций сказал, пряча под шуткой опасение:

– Как бы капитан наш не распорядился учинить Нептуново крещение всем без различия званий. Право, господа, экватор – великое достижение, но стоит ли он насморка?

– Полагаю, господин Крузенштерн пощадит нас, – в тон майору ответил Николай Петрович, – и ограничится лишь малой церемонией. Но совсем противиться обычаю нам сегодня не пристало... По правде же говоря, обычай сей мне кажется ненужным. Подобные игрища устраиваются обычно на кораблях иных наций. Надобно ли россиянам перенимать то, что чуждо русской вере и духу? Господин же Крузенштерн столь долго служил в английском флоте, что готов и у нас завести иноземные порядки.

– Однако же английских служителей на корабли не взял ни одной души, – вставил Толстой. – Адмирал Ханыков ему за то чуть шею не перегрыз, капитан же уперся: лучше русских матросов на свете нету.

– Странно, граф, что вы так заступаетесь за капитана, – кисло усмехнулся надворный советник Фосс – белобрысый молодой человек со скучным лицом. – Господин Крузенштерн вас, кажется, не жалует.

– Да и я его не очень-то жалую! Зато жалую матушку-правду, – весело разъяснил Толстой. – И матросов наших люблю за лихость. И крещение Нептуново с ними приму нынче непременно... Это подумать только, господа! Купание на экваторе! Будет что рассказать в Петербурге. Дамы станут квохтать, как курицы...

– У вас, граф, одна забота: горячительные напитки да женский пол, – вздохнул пожилой доктор Бринкин. – Никто уже не чаёт услышать от вас иное.

– Я умею обращаться и с мужским полом! – немедленно взвинтился Толстой. – Для этого потребно немного: десять шагов на палубе и два пистолета!.. Да куда вам! Пистолет – не клистирная трубка...

– А дуэль – не средство решать споры, – заметил Фосс.

– Это почему же, господин надворный советник?

– Да потому, что никто не выигрывает. Одного увозят на кладбище или в лазарет, а другого сажают в крепость... Закон, как вам известно, запрещает поединки.

– Я слабо знаком с законами, – усмехнулся граф. – В квартальных приставах не служил. Доктор Бринкин развел руками:

– Я не понимаю, господин поручик: что вам за радость каждого зацепить обидным словом?

– Граф не сказал ничего обидного, – с ленивым спокойствием возразил Федор Фосс. – Я действительно был одно время квартальным приставом в столице. В конце концов, не всем же состоять в гвардии, кто-то должен и делом заниматься.

– Вы хотите сказать, что гвардейцы – бездельники? – сощурился Толстой.

Не меняя выражения лица и тона, Фосс разъяснил:

– Я хочу сказать иное. Когда кто-нибудь меня все же заставит нарушить закон, я сумею показать, что квартальные приставы стреляют не хуже гвардейских подпоручиков...

Граф подался вперед – с единственной, конечно, целью потребовать, чтобы Фосс показал это в самое ближайшее время.

Но Резанов возвысил голос:

– Господа! Оставьте! Возможны ли такие разговоры в славную минуту!.. Смотрите, «Нева» повернула, идет нам навстречу.

«Нева» и вправду шла теперь правым галсом, на сближение. Матросы стояли на реях и вантах.

По шканцам крупными шагами прошел Крузенштерн, поднялся на ют. Громко сказал оттуда:

– Барон, скомандуйте и нашим: на ванты и реи. Пора!

Не успел Беллинсгаузен, который был на вахте, отдать команду, как с криками «ура» матросы уже бросились вверх по мачтам. Офицеры выстроились в шеренгу. Рядом встали ученые, Фосс, Бринкин, Курляндцев. С краю пристроился Шемелин. Резанов поднялся на ют к Крузенштерну.

В шуме и плеске разрезаемой воды «Нева» пронеслась в полукабельтове от «Надежды».

– Мы в Южном полушарии! Слава флоту Российскому! – громко сказал в рупор Лисянский.

«Ура» на обоих кораблях грянуло с новой силой. Офицеры вскинули пальцы к треуголкам...

Через минуту «Нева» сделала поворот и пошла в кильватер за «Надеждой». Матросы быстро опускались с мачт и выстраивались вдоль бортов, впереди оружейных станков. Крузенштерну и Резанову на ют принесли кресла. Посланник сел, а капитан с полушутливой важностью объявил:

– Господа! Из всех нас мне одному пришлось в свое время перейти экватор, было это в дни моей службы у англичан. Я не к тому говорю, чтобы похвастаться преимуществом, а к тому лишь, чтобы объяснить: некому, кроме меня, подвергнуть господ офицеров, ученых и служащих Компании обряду морского крещения согласно древнему обычаю мореходцев всех наций...

Плотницкий десятник Тарас Гледианов поднес капитану медный тазик с морской водой. Крузенштерн продолжал:

– Я надеюсь, что в этот радостный день его превосходительство Николай Петрович первый окажет капитану честь, подошедши под церемонию...

Принужденно улыбаясь, Резанов поднялся и наклонил голову. Крузенштерн опустил в тазик руку и с пальца уронил на паричок Резанова сверкнувшую каплю.

– Поздравляю вас, ваше превосходительство, со вступлением в Южное полушарие. Дело сие для россиян воистину славное.

– В этом заслуга нашего обожаемого монарха. Виват Александр! – громко сказал Резанов.

– Виват! – подхватили офицеры.

Матросы то ли спутали это со словом «обливай», то ли была дана им особая команда, но тотчас строй распался. Взлетели широкие струи воды из парусиновых ведер. С шумом и хохотом пожилые матросы хватали тех, кто помоложе и полегче, и, раскачав, кидали в парусиновую купальню. Да и сами с удалыми криками прыгали следом. Сухим из матросов остался лишь рулевой, что стоял у штурвала с нактоузом.

На юте между тем тоже продолжалось морское крещение. С офицерами Крузенштерн не церемонился, как с Резановым, и на каждого вылил по пригоршне. Поднялся на ют подпоручик Толстой, с него текло.

– Однако, граф, вы преуспели в своих планах, – заметил Фридриций.

– Черти, – отфыркивался подпоручик. – Даже не дали сапоги снять. Воистину – усерден русский человек, только попроси...

Взбежал на ют сержант артиллерии Алексей Раевский, что-то шепнул капитану, тот кивнул. Раевский ударил в колокол. Все притихли на корабле. Сержант возгласил:

– Его величество Нептун, государь всех морей и океанов, пожаловал для встречи российских мореплавателей!

С бака по правому шкафуту на шканцы двигалась процессия. Впереди с уморительно-важным видом шествовал квартирмейстер Иван Курганов, завернутый в куски рваной парусины и украшенный бороною из расплетенного сизальского троса. Стукал о палубу древком трезубца, сооруженного из багра и длинных ножей. Следом приплясывала свита – с полдюжины морских чертей, – тоже в лохмотьях, с мочальными хвостами и перемазанными сажей лицами. Слева Нептуну выкатили пустую бочку – трон.

Нептун уселся и грохнул трезубцем крепче прежнего.

Крузенштерн, сохраняя невозмутимый вид, спустился на шканцы и встал перед владыкой морей. Тот пошевелил пальцами босых ног и хрипловато возгласил:

– Сижу я это в своем подводном дворце, в окружении русалок, то есть моих дам придворных, а также всяких генералов и камергеров морских, а мне, значит, докладывают: «Ваше океанское величество, два каких-то корабля едут поверху прямо через линию, экватором называемую. Так что непорядок, ваше величество...» Глянул я – и вправду едут, а флаг на их, какого до сей поры видеть нам не приводилось. Дозвольте узнать, что за корабли, из какой державы и по какому делу экватор переехать изволили без моего царского дозволения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.